

МИХАИЛ ШПАНИН

ПЕРЕЧИТЫВАЯ
СТРАНИЦЫ
НАШЕЙ ИСТОРИИ

2010

*Моей матери Цецилии Ильинишне
Анисимовой (Шпаниной) посвящается*

Неизвестное
об известном горско-еврейском
этнографе
И. Ш. Анисимове

*Моей матери Цецилии Ильинишне
Анисимовой (Шпаниной) посвящается*

Неизвестное
об известном горско-еврейском
этнографе
И. Ш. Анисимове

Содержание

От автора.....	7
Предисловие.....	11
1. О первоисточнике биографии ученого и его семейных легендах.....	16
2. О «Генеалогическом древе» рода Анисимовых.....	21
3. Страничка из детства.....	26
4. О «бесхозной» земле равнина Шеребета Нисима в Палестине.....	27
5. Женитьба.....	29
6. Анисимов и сионизм.....	33
7. Тайна семьи доктора Вейншала.....	38
8. О семье и детях.....	44
9. «Баку – моя вторая Родина».....	57
10. В Грозном и опять в Баку.....	62
11. У истоков первой политической акции горских евреев.....	74
12. О моих личных встречах с дедом.....	76
13. Из переписки Ильи Шеребетовича и Марии Савельевны Анисимовых.....	81
Послесловие.....	96
Иллюстрации.....	105

ОТ АВТОРА

Не могу сказать, что история как учебный предмет в школе, меня очень интересовала. В детстве и юности моим хобби было изобразительное искусство. Я очень любил рисовать. А учеба до войны, вначале в детской художественной студии, а затем на двух курсах бакинского художественного училища им. Азима Азим-заде, дала мне уверенность в том, что я был на правильном пути. Но война внесла коррективы в выбор моей профессии. Закончив после войны с отличием педагогическое училище, а затем исторический факультет Азербайджанского университета, я приобрел свою первую специальность, которая на короткое время приобщила меня к занятию историей.

В этот период я и стал «перечитывать историю своей родословной».

Однако судьба распорядилась так, что поступив опять учиться в Политехнический институт, работая в проектных организациях и продолжительное время во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики, мои занятия историей отошли на второй план. Можно сказать, что вновь я стал ей заниматься, уйдя на заслуженный отдых. Скажу откровенно, что о своих предках и здравствующей родне за рубежом в годы советской власти мы почти ничего не знали. Вернее сказать, предпочитали ничего не знать. Так было лучше. Но о том, что они все же были, хорошо знал мой отец. Он помнил, как до революции его отец отправил своего старшего сына учиться в Германию и сын остался жить в Берлине. Мой отец помнил, как в 1916 году к ним в гости приезжала, тогда еще никому неизвестная Раиса Блювштейн, ставшая потом знаменитой израильской поэтессой Рахелью.

Отец знал, что их родственники, известная семья Вейншалов, пионеров сионистского движения в Закавказье, с 1919 г. проживала в Палестине. Я вспоминаю время, когда однажды

на имя моего отца из Москвы пришло письмо. Иньюрколлегия СССР уведомляла его о том, что ему из Израиля поступила наследственная доля по делу одного его близкого родственника, умершего там в тридцатые годы. Старожилы из СССР могут понять, в каком положении оказался член КПСС, который во всех своих анкетах утверждал, что у него родственников за рубежом не было и нет. Отец категорически отказался ехать в Москву получать нежданный-негаданный подарок.

Мое детство и юность по времени совпали со временем постоянного поиска в стране шпионов и врагов народа. Считалось, что потенциальными их сторонниками могли стать люди, имевшие родственников за рубежом.

По нашим тогдашним представлениям, они могли находиться в самых неожиданных местах и использовать самые невероятные способы антисоветской деятельности. Хорошо помню историю с фасадом дома Бакинского Театра Русской Драмы, когда кто-то из «бдительных людей» вдруг заметил, что рисунок оконных решеток фасада очень напоминает свастику.

Автору настоящих строк, очевидно впервые, предоставляется возможность вспомнить о еще более «изошренном» способе «вражеской деятельности».

Помню, что когда я учился в четвертом классе, во время урока в класс вошел наш директор школы и сказал: «Дети! Положите на край парты все свои тетради!» Когда это непонятное нам предложение было выполнено, он вместе с нашим педагогом стал срывать с них первые листы, которые забрал с собой.

Читателю предоставляется возможность увидеть сохранившуюся в моем архиве фотографию свидетельства «бдительности» тогдашнего народного комиссариата образования. Позже стало известно, что на этой обложке тетради кто-то разглядел напечатанное микрошрифтом слово «Сталин». Начало этого слова, при очень большом желании его прочесть, действительно имеет место. Однако

последующие буквы можно увидеть с большой натяжкой. Случайная печать стала причиной переполоха во всех школах города. Хранить дома подобные «крамольные» материалы было весьма небезопасно. И наш семейный архив подвергался периодическим уничтожениям многих документов, которые, по нашему разумению, не должны были иметь место. Были уничтожены даже фотографии. Ранний уход из жизни моей матери Цецилии Ильинишны Анисимовой, которой я посвящаю эти строки, а также создание новой семьи отца, в какой-то степени повлияли на то, что до войны мы не поддерживали должного контакта с представителями рода Анисимовых в Баку. А частое отсутствие членов нашей семьи в Баку явилось непростительной причиной того, что было утеряно захоронение моей матери. Можно сказать, что решив «путешествовать» по ветвям своего «Генеалогического древа», мне пришлось начинать с нуля. В свое время, не узнав, кто изображен на фотографиях, перед отъездом в Израиль, я непростительно уничтожил большое их количество, среди которых оказались и снимки моих именитых родственников, фото которых я впоследствии увидел в их семейных архивах. Не могу не сказать о том, что в известной степени на мой интерес к своей родословной повлияло знакомство с Михаилом Яковлевичем Агаруновым. Знакомство с ним у нас произошло необычным образом.. Живя неподалеку от моего дома в Баку, он не знал, что внук И. Ш. Анисимова, с которым он хотел познакомиться, жил буквально в двух шагах от него. Занимаясь родословной моего деда, М.Я. Агарунов был в Москве у моей двоюродной сестры Маргариты Анисимовой, которая и дала ему мой телефон. Однако личное наше знакомство состоялось только в Израиле. Приехав в Израиль, я убедился, что мои родственники проживают не только здесь, но и в других странах Европы, Америки и Австралии. Среди них обнаружили потомки известных в прошлом людей. В «Генеалогическом древе» моего рода оказались выдающаяся израильская поэтесса Рахель, видный

горско-еврейский раввин Яков Ицхаки, лауреат Нобелевской премии Лев Ландау, блестящий горско-еврейский этнограф Илья Анисимов, яркие общественные деятели сионисты Вейншалы, не менее знаменитые Мендельштамы, декабрист фон Бригген, известные евреи средневековья.

Кто бы мог подумать, что компанию им составит известная всем «Сонька-золотая ручка»!

Пионерами изучения родословной моего деда следует считать известного общественного деятеля Азербайджана Якова Агарунова и его сына профессора Михаила Агарунова, впервые составившего «Генеалогическое древо» учебного. Их опыт в этом направлении послужил мне своего рода ориентиром в настоящей работе. Информационную поддержку мне оказал профессор Еврейского Университета Михаил Исакович Занд. Ознакомление с трудами израильского историка Давида Ицхаки дало мне возможность ориентироваться в хронологической последовательности событий. Личные контакты со своими родственниками в Баку и в Израиле помогли мне выдвинуть ряд неизвестных ранее версий, касающихся биографии И. Ш. Анисимова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В исторической памяти горских евреев, среди наиболее известных их представителей, имя первого горско-еврейского ученого Ильи Шеребетовича Анисимова занимает особое место.

«Илья Анисимов – кавказский Колумб, открывший миру горских евреев» .

Так образно охарактеризовал моего деда в посвященной ему статье израильский журналист Роман Бадалов.

Еще в начале прошлого века имя И. Ш. Анисимова было отмечено в «Еврейской энциклопедии Брокгауза и Евфрона». Однако в последующие времена его имя упоминалось только в научно-исследовательских работах ученых-этнографов. В бывшем Советском Союзе, чего греха таить, и на уровне общин горских евреев имя ученого было фактически забыто. Иначе и не скажешь.

В 1962 году исполнилось 100 лет со дня рождения ученого, но эта знаменательная дата нигде не отмечалась, так же как и последующие юбилейные даты.

Прошедшие в 2002 году мероприятия, посвященные 140-летию со дня рождения Ильи Шеребетовича Анисимова, по сути дела вернули его имя из небытия. Необходимо отметить, что особую роль в этом знаменательном событии сыграла московская община горских евреев и признанные ее лидеры Заур и Акиф Гилаловы. По их инициативе в числе юбилейных мероприятий было осуществлено первое переиздание широко известной монографии ученого «Кавказские еврей-горцы» под редакцией доктора философских наук С. И. Вайнштейна, которая уже давно стала библиографической редкостью.

О ее существовании в наши дни знали немногие. А с ее содержанием были знакомы только специалисты-этнографы.

О том, что это действительно так, может свидетельствовать

ниже приведенная нами ситуация, имевшая место в преддверии юбилея ученого.

Первой публикацией, посвященной Анисимову в Израиле в 2001 году, явилась статья автора этих строк в «Кавказской газете», к приближавшемуся 140-летию со дня рождения ученого.

Последующий отклик на эту статью «вдумчивого и благосклонного читателя», как назвал себя автор отклика, показал, что с содержанием монографии незнакомы даже такие активные члены Общины, каким действительно является автор этого отклика. Не сомневаюсь, что из хороших побуждений он пишет, что версия о будто бы имевшей место в прошлом взаимной неприязни горских и европейских евреев надуманна. Автор далее пишет: «Должен со всей ответственностью сообщить, что этого никогда не было. И не следует проецировать чье-то неумное высказывание на отношения двух общин единого еврейского народа».

Вот так, одним росчерком пера, вычеркивается из истории вопрос, которому И. Ш. Анисимов в свое время уделил пристальное внимание. Просто удивительно, что уважаемые современники И. Ш. Анисимова своевременно не указали ему на эту «дезинформацию».

Редакция газеты признала критику автора отзыва правильной и принесла свои извинения «всем тем, чьи интересы были затронуты».

Вышеизложенное еще раз подтверждает мысль о том, что предпринятое переиздание монографии И. Ш. Анисимова было необходимо и своевременно. Оно поможет нашим соплеменникам лучше знать свою историю, знать, что обращая внимание на вышеуказанные факты в истории своего народа, ученый завещал своим потомкам не повторять их в будущем, стремиться к единению и взаимопониманию. Следует напомнить, что сам Анисимов был женат на европейской еврейке.

В числе юбилейных мероприятий, посвященных 140-летию со дня рождения И. Ш. Анисимова, по инициативе его

родственников в израильском городе Нетания состоялась персональная выставка юного художника, праправнука ученого, Станислава Шпанина.

Нами были опубликованы материалы об Анисимове также в нью-йоркской газете горских евреев «Новый рубеж».

О том, что ученый в свое время написал художественное произведение, общественности тоже стало известно в период юбилейных мероприятий.

Машинописный экземпляр его пьесы «В горах Дагестана» долгое время хранился в семейном архиве его внука. О том, что эта пьеса существует, впервые было сказано в статье автора этих строк в «Кавказской газете». Как известно читателю, издать это произведение в свое время ученому не удалось, и его потомки поставили перед собой задачу сделать все возможное для того, чтобы оно увидело наконец свет.

В 2002 году усилиями местного общественного деятеля, художника и поэта Фриды Юсуфовой и автора этих строк, было завершено первое издание этого произведения. Отмечу, что для выполнения этой непростой работы необходимо было найти человека, который мог бы возглавить как минимум группу специалистов (художника, лингвиста, редактора и спонсора). Поиски такого человека завершились только тогда, когда мне довелось познакомиться с Фридой Юсуфовой.

Проявленный ею интерес к предстоящей работе, большой опыт в издании своих произведений, возможности самой выполнить художественное оформление издания – все эти и другие личные качества Фриды Юсуфовой убедили нас в том, что именно она сможет осуществить задуманное.

Еще раз хочу подчеркнуть, что вклад в это благородное дело Фриды Борисовны трудно переоценить, ибо мне по вопросу издания пьесы приходилось встречаться с более авторитетными людьми, которые не проявили должного интереса к этой работе.

Выдвинутое мною предложение увековечить память

Ильи Шеребетовича Анисимова в Израиле, например, в названии одной из улиц города, в котором проживает наибольшее число горских евреев его именем, не нашло должной поддержки.

В 2005 году автор настоящих строк по этому поводу еще раз обратился к общественности через популярную газету «Кохав-а Шарон», что также осталось без внимания.

Можно считать, что первую попытку написать биографию ученого сделал известный общественный деятель Азербайджана Яков Агарунов, который в своей книге «Большая судьба маленького народа» посвятил ему отдельную главу. Значительный его биографический материал мы находим в «Истории евреев на Кавказе» Ицхака Давида. Работу историка Юрия Мурзаханова «Очерк истории этнографического изучения горских евреев» считают первой попыткой написания научной биографии ученого. Однако, как признал сам автор, опубликовавший к юбилею горско-еврейского этнографа еще одну работу, существует много пробелов в биографии ученого. Мало опубликовано сведений о жизни и деятельности его в Баку, где по сути дела и началось становление его как общественно-политического деятеля, впоследствии продолжившего свою деятельность на Северном Кавказе. Следует отметить, что существуют и ошибочные мнения, связанные с его биографией. Памятуя вышесказанное, я поставил перед собой задачу по мере своих возможностей восполнить существующие пробелы в биографии И. Ш. Анисимова, используя семейный архив, личный опыт и свидетельства людей, близко знавших ученого. Естественно, что эта работа не будет претендовать на «расшифровку» всех пробелов, но мы полагаем, что то, что будет сделано, принесет определенную пользу будущим биографам ученого.

Один из первых биографов Анисимова – кандидат исторических наук Юрий Мурзаханов отмечает, что «творческое наследие, общественная деятельность и биография первого горско-еврейского ученого должна стать предметом

дальнейшего изучения». Он происходил из рода «Ождохо-хо», что на языке его народа означает «Богатыри». Это легенда. Но поистине богатырская воля была у него!

Первоисточником сведений о жизни и деятельности И.Ш.Анисимова обычно называют статью о нем в «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона, издания 1908 г., том 2, страница 582. Автор настоящих строк считает необходимым высказать соображения, касающиеся этой статьи.

Восполнять пробелы в биографиях своих предков – нередко задача не из легких. Бывает так, что в жизни человека происходят какие-то события, которые не хотелось бы афишировать. Такие события имели место и у самого И. Ш. Анисимова и его предков. Автор настоящих строк имеет возможность впервые познакомить читателя с версией, касающейся жизни деда Анисимова Нисима, достоверность которой в свое время была подтверждена воспоминаниями дочери Анисимова Гюль-Бике со слов своего отца.

Селение Тархи, где родился и провел свое детство И. Ш. Анисимов, с древних времен располагалось на столбовой дороге с Волги в Закавказье.

Горские евреи жили в этих местах еще в средние века. Средневековая летопись «Дербент Наме», которую Анисимов перевел на русский язык, свидетельствует о том, что до прихода в эти места арабов большая часть населения исповедовала иудаизм. После их временного исчезновения они вновь появились здесь в 18 веке.

Годы начавшейся в этих местах Кавказской войны были одними из самых тяжелых в истории горских евреев Дагестана. Отряды Шамиля грабили, убивали и уводили в плен жителей аулов. Не явился исключением и аул Тархи, где жила тогда семья моего прапрадеда Нисима.

Аул Тархи, по имеющимся сведениям, дважды подвергался нападениям, летом и зимой 1848 года. Старожилы аула рассказывали побывавшему там путешественнику

И. Черному, что нападавшие сожгли почти все дома в ауле, зверски убили 35 человек, в числе которых были женщины и дети. Ворвавшись в аул рано утром, они убивали людей прямо в постелях, избивали плетками до полусмерти.

Такие сведения мы находим в «Истории евреев на Кавказе» Ицхака Давида.

Горские евреи хотели мира и стабильности в регионе, поэтому их подавляющее большинство было на стороне русских. Многие из них были вынуждены покидать свои дома. Но были среди них и такие, которые оставались и под угрозой смерти вынуждены были принимать чужую веру.

В вышеупомянутой статье, посвященной Анисимову в «Еврейской энциклопедии», утверждается, что его отец (то есть Шеребет Нисим) стал подданным Шамиля и принял магометанство. Согласиться с тем, что он стал подданным Шамиля, можно. А вот с тем, что он принял магометанство, нельзя по той простой причине, что он в рассматриваемый нами период времени был несовершеннолетним. Поэтому принимать магометанство мог его отец Нисим. А Шеребет Нисим, как известно, остался верным иудаизму и впоследствии стал видным раввином своего времени. Вспомним, что принявший другую веру не может считаться евреем.

Эта версия автора настоящих строк впервые была опубликована на страницах московского журнала «Миньян» в 2002 году.

Но полностью восстановить истинный ход событий мы не сможем, не познакоившись с одной семейной легендой Анисимовых, которую я слышал еще в детстве. Эта легенда на протяжении многих лет являлась своего рода семейной тайной Анисимовых, о которой по известным причинам не хотели вспоминать. Некоторые ее подробности могут показаться неправдоподобными, но имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет сделать вывод о том, что эти события действительно имели место.

Известно, что после Кавказской войны российские власти к пленному Шамилю отнеслись весьма благосклонно. Не подвергались преследованию его родственники и потомки.

По свидетельству моей тети Гюль-Бике, отец говорил, что хорошо знал всех потомков Шамиля и часто с ними виделся. Его в этих семьях принимали как самого желанного гостя.

Приведенная нами информация частично согласуется с тем, что пишет Ю. Мурзаханов в своей юбилейной работе об И. Ш. Анисимове. Он пишет, что во время доклада в Археологическом Обществе Анисимов сообщил, где находится ценная рукопись. Оригинал рукописи, сказал он, находится в ауле Амух и принадлежит одному из потомков Шамиля.

Радужный прием отца потомками Шамиля, говорила Гюль-Бике, объяснялся вескими причинами. Как уже было сказано, для того чтобы сохранить свою семью, Нисим так же, как некоторые жители аула, принял магометанство. Но Нисим был из числа горских евреев, обиженных царской властью. По словам Гюль-Бике, у него в свое время отобрали принадлежавший ему дом в Махачкале и запретили заниматься предпринимательством в городе. И Нисим надеялся, что в лице Шамиля он найдет более доброго владельца и стал на сторону тех, кто боролся с этой властью.

По ее словам, события развивались следующим образом. Нисим, потомок рода «Ождохохов» (богатырей), отличился в боевых действиях против русских. В какой-то ситуации спас жизнь самому Шамилю и впоследствии занял в его окружении очень видное положение.

За такую позицию, занятую его дедом, считал сам И. Ш. Анисимов, он и поплатился жизнью.

В «Истории евреев на Кавказе» ее автор приводит отрывок письма сына Нисима Шеребета, учившегося в это время в иешивах Польши и России. В нем он пишет, что его отец Нисим был «умерщвлен злоумышленниками». Местные

жители не могли простить Нисиму его позицию, занятую им во время Кавказской войны.

Можно сказать, что это «белое пятно» в биографии И. Ш. Анисимова было «черным» и поэтому потомки Нисима по известным причинам предпочитали не вспоминать о нем.

Следует сказать, что существующую версию о том, что знаменосец одного из отрядов Шамиля Нисим был убит в бою, следует считать неверной.

Считаю необходимым остановиться и на вопросах происхождения имени и фамилии И. Ш. Анисимова, ибо о первом в библиографии ничего не сказано, а о втором существуют неверные версии. По свидетельству старшей дочери Анисимова Гюль-Бике, имя Элиягу (Илья) ее отец получил в честь уважаемого всеми горскими евреями первого раввина города Дербента Элияги бен Мушаэля (1781-1848), основавшего в городе главный раввинат горских евреев и сделавший Дербент их духовной столицей. Илья Шеребетович говорил ей, что его отец, давая ему такое имя, надеялся, что он пойдет по его стопам и станет раввином. Однако, как известно, надежды его отца в этом отношении не оправдались.

Что касается происхождения фамилии ученого, то здесь следует сказать следующее. В уже упомянутой нами «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Евфрона, в статье, посвященной И. Ш. Анисимову, утверждается, что в горскую школу маленького Илью записали под фамилией Нисим оглы (сын Нисима), а затем кто-то из учителей переделал ее на Нисимова. Впоследствии появилась заглавная буква «О», которая потом была заменена буквой «А».

Имеющиеся в моем распоряжении воспоминания ближайших родственников Ильи Шеребетовича дают основания считать такую версию ошибочной.

Сам И. Ш. Анисимов был такого же мнения, но не считал необходимым поднимать этот вопрос. Автором этой статьи в «Еврейской энциклопедии» был его учитель и наставник В. Ф. Миллер.

Гюль-Бике мне рассказывала, что в горскую школу отца, как и следовало, записали под фамилией Шеребет оглы (сын Шеребета). Но к этому времени ее дед уже носил фамилию Анисимова и вскоре фамилию отца русифицировали.

Подтверждением такой версии может служить и то, что когда Илья поехал в Москву поступать в Императорское техническое училище в 1881 году, в письме – прошении, которое он вез с собой, было сказано, что он является сыном мещанина Шеребета Анисимова .

Наконец, следует вспомнить, что такую фамилию носили не только все дети Шеребета Нисима, но и все дети его родных братьев.

На основании вышеизложенного можно сказать, что существующая версия о появлении у моего деда фамилии Анисимов, многократно использованная авторами многих публикаций, является ошибочной.

Что касается вообще о происхождении такой фамилии, то об этом должны сказать свое слово ученые-антропоники.

Первый составитель «Генеалогического древа» рода И. Ш. Анисимова профессор Михаил Агарунов отмечал, что проделанная им трудоемкая работа велась только по отцовской линии. Понятно, что исследования и по материнской линии усложнили бы эту работу.

И действительно, здесь возникли бы большие затруднения.

Известно, что у горских евреев в рассматриваемый нами период времени женщина до и после замужества вела крайне замкнутый образ жизни. Она была отлучена от религии и не ходила в синагогу. Такие сведения мы находим у самого Анисимова.

Поэтому не случайно, что в известной нам биографии ученого мы не находим сведений по материнской линии. Они тогда просто не фиксировались. Очевидно, поэтому мы кое-что знаем о деде Ильи Шеребетовича Нисиме и абсолютно ничего не знаем о его бабушке.

Тоже самое можно сказать и о более близких к нам по времени родителях ученого. Довольно хорошо мы знаем об его отце раввине Шеребете Нисиме и совершенно ничего об его матери. Внуки И. Ш. Анисимова не знают даже имени своей прабабушки!

А пока мы знаем только о том, что мать Анисимова похоронена в Хасавьюрте. Об этом говорится в письме ученого своему сыну Даниилу от 12 июня 1912 года: «Как проводишь время, был ли в ауле, практикуешься ли по-татски, собираешься ли в Хасавьюрт на могилу бабушки?» Уже одно упоминание о местонахождении могилы матери Ильи Шеребетовича дает надежду узнать ее имя, которое, к большому сожалению, в свое время не было зафиксировано в памяти потомков. Мне не раз доводилось проезжать мимо этой станции, и я не мог предположить, что моя прабабушка похоронена в этом городе.

Винить в этом нужно конечно и своих предков, но и самокритично вспомнить о своих упущенных возможностях. Остается надеется, что на все поставленные вопросы нам удастся ответить в будущем.

Автор настоящих строк имеет возможность познакомить читателя с фрагментом своей работы по выявлению родственников ученого из числа женщин.

Занимаясь поисками родственных связей деда в Израиле, мне довелось ознакомиться с брошюрой «Древности горских евреев», которую издал его отец раввин Шеребет Нисим в Иерусалиме в 1890 году. На русский язык эта брошюра не переведена, и публикуемый мною титульный лист ее для российских этнографов будет представлять определенный интерес, давая возможность документально установить родственные связи И. Ш. Анисимова с известным раввином Яковом Ицхаки. О том, что отец Ильи был в очень близких отношениях с ним, было известно давно. А вот о том, что он был его близким родственником, в публикациях наших этнографов сведений не было. В связи с вышеизложенным, публикуемый документ приобретает особый интерес. В нем говорится, что эта брошюра написана раввином Яковом Ицхаки и его шурином Шеребетом Нисимом. Следовательно, мы можем с полной достоверностью утверждать, что женой раввина Якова Ицхаки была сестра отца Ильи Анисимова, то есть тетя последнего. Известно, что незадолго до своей смерти раввин Яков Ицхаки посчитал нужным оставить своим потомкам свою краткую биографию, в которой он «нарушает» установившуюся традицию не упоминать родственников-женщин, называя имена своих сестер. А вот о своей спутнице жизни, жене, раввин почему то не упоминает. Не знают о ней ничего и ныне здравствующие родственники раввина. Здесь мы можем только предположить, что либо в семье раввина были какие-то обстоятельства личного характера, либо мы должны вспомнить, о чем писал И. Ш. Анисимов в своей монографии о горских евреях. Он пишет: «Много-

женство не воспрещается горцам-евреям религией, поэтому часто можно встретить и раввинов, имеющих двух жен. Число жен не ограничено адатом...» Здесь же он упоминает, что его двоюродный брат имел двух жен, которых он видел будучи мальчиком.

Следует отметить, что титульный лист этой брошюры свидетельствует и о том, что она написана двумя авторами. Существующая версия о том, что ее издал раввин Шеребет, создает у читателя неверное представление о том, что брошюра была написана одним автором.

Говоря об имевших место сказаниях, в той или иной степени касающихся имени ученого, нам представляется возможность познакомить русскоязычного читателя еще с одной легендой по материнской линии, которая коснулась семьи Анисимова тогда, когда женой ученого стала моя будущая бабушка Мария Савельевна Вейншал. «Генеалогическое древо» рода Вейншалов называет нам имена семьи известного рода Каценеленбогенов, живших в 14-15 вв. в Польше. Среди них наиболее известной личностью является Саул, в истории Польши названный «королем на час».

В 1473 году в семье пражского адвоката Исаака Каценеленбогена родился сын, которому суждено было стать очень известным раввином в Италии. Меер бен Исаак Каценеленбоген, закончив учебу в иешиве, стал раввином провинциального итальянского города Падуа, в которой встречался с прихожанами всю свою жизнь. Однако, история сохранила нам сведения о том, что с течением времени он стал лидером еврейских общин семи городов Италии, в том числе Рима, Болоньи и Венеции.

Авторитет раввина Меера был настолько велик, что в период известных событий в Турции раввины этой страны обратились за помощью именно к нему.

Большой авторитет раввина Меера подтверждает легенда о том, что после его смерти в синагоге Падуа на стуле раввина была прикреплена табличка, с надписью, что на этом стуле сидел только раввин Меер. Существует версия

и том, что современники раввина без его ведома с целью сохранить для потомков его образ поручили художнику сделать его портрет.

В 1541 году в его семье родился сын. По свидетельству моей родственницы, автора статьи в «Еврейской энциклопедии» Иудит Вейншал-Либман, родители назвали этого мальчика Саулом. Давая своему сыну такое имя в честь первого израильского короля, они конечно не могли предположить, что через некоторое время он тоже будет обладать королевской властью. Пусть не надолго, но будет.

В молодости Саул уехал из Италии учиться в польский город Брест-Литовск и после завершения учебы решил остаться в этих краях. Его успехи в предпринимательской деятельности не остались незамеченными местной властью. И в 1578 году король Польши Стефан Баторий сдал Саулу в аренду соляные копи в литовском герцогстве. Начав разработку залежей, Саул приумножил свое состояние и через некоторое время стал одним из самых состоятельных людей в государстве. Он становится лидером еврейской общины Парносим.

В истории средневековой Польши имел место период, когда предстояло выбирать короля. Необходимо было все функции короля временно передать человеку наиболее авторитетному и уважаемому.

Таким человеком в рассматриваемое нами время был Саул бен Меер Каценеленбоген. Придя к власти, новый король Польши Зигмунд III в 1589 году официально присвоил Саулу статус королевского управляющего. По сути дела, он стал советником короля, что дало ему возможность принимать властные решения в государстве.

С его именем связывают получение еврейской общиной автономии в своих судебных делах. Это было официально зарегистрировано в 1593 году несмотря на упорное сопротивление муниципалитетов.

В бытность Саула в кулуарах власти, в синагоге Брест-Литовска в память об умершей жене Саула была открыта

так называемая «Женская галерея», в которой женщины получили возможность выполнять свои религиозные пожелания.

В истории польского государства Саула называют «Королем на день». Однако, надо полагать, что это высказывание не следует понимать в буквальном смысле. Саул выполнял все королевские функции не один день, а в период, необходимый для избрания нового короля и для ратификации этого решения. Здесь нам следует вспомнить, что и в русском языке также есть такое выражение как «король на час», то есть на какой-то период.

Умер Саул в преклонном возрасте в период между 1622 и 1627 годами.

Об обстановке, в которой рос и воспитывался будущий ученый, нам хорошо известно из его личных свидетельств и подробному ее описанию в его монографии «Кавказские еврей-горцы». Мы знаем, что несмотря на то, что продолжительное время опекунами маленького Ильи были известные религиозные деятели, его отец раввин Шеребет Нисим и дядя раввин Яков Ицхаки, он с большой неохотой учился в религиозной школе, куда его определили родители.

Его тянуло к знаниям, которые ему могла дать общеобразовательная школа. Такие школы в это время стали открываться в России. Будучи раввином Дербента, Яков Ицхаки был против открытия такой школы в городе, для которой богатый горско-еврейский меценат А. Дадашев построил двухэтажное здание, в результате чего школа открылась только через 20 лет.

В нашей семье сохранилась легенда, связанная с вышеописанным, о том, как начался спор маленького Ильи с раввином Яковом Ицхаки и чем он закончился. Раввин не советовал родителям Ильи определять его в общеобразовательную школу, но хорошо известно, что сам он, видимо понимая целесообразность этого, своего сына определил в такую школу. Маленький Илья, тогда еще плохо говоривший по-русски, заявил раввину: «Моя хочу учиться!», – и задал так ему вопрос, почему он определил своего сына в такую школу. Что ответил тогда ему раввин, мы не знаем, но хорошо знаем, что судьба распорядилась так, что впоследствии, спустя 20 лет, этот мальчик, ставший известным общественным деятелем и ученым, пожертвовал свои немалые личные сбережения для открытия такой школы.

Вспоминая это забавное выражение маленького Ильи, мы можем сейчас сказать, что оно стало своеобразным девизом будущего ученого, который, по его словам, учился всю жизнь.

Отец Анисимова раввин Шеребет Нисим был одним из первых представителей горских евреев, предпринявший попытку организованного переселения своих сородичей в Палестину. На вопрос о том, как давно стали переселяться горские евреи в Палестину, ученые не дают определенного ответа. Израильский ученый-этнограф, доктор исторических наук Лия Мигдаш Шамаилова сообщает, что когда в 80-е годы позапрошлого века в Палестину приехал главный раввин Дербента Шеребет Нисим, то он на Масличной горе в Иерусалиме насчитал уже более 200 могильных захоронений своих соотечественников. По нашему мнению, здесь следовало бы сказать о том, что миграция горских евреев в Палестину в этот период носила стихийный характер. Во всяком случае мы не имеем сведений о том, что в этот период предпринимались попытки как-то организовать этот процесс. И мы можем утверждать, что первой такой попыткой организованного переселения горских евреев в Палестину была связана с именем этого раввина. Приезд раввина Шеребета Нисима на Святую Землю был хорошо спланирован. Мы знаем, что прежде чем приехать в Палестину, Шеребет Нисим в содружестве с раввином Яковом Ицхаки написал брошюру «Еврейские древности», которую ему удалось издать в Иерусалиме. Предполагалось, что доходы от распространения этой брошюры будут использоваться в качестве благотворительной помощи переселенцам. Поначалу было решено переселить 5 дербентских семей. Раввин на свои средства и средства этих семей купил землю в старом Иерусалиме у Львиных ворот и Иерихона с целью построить на ней синагогу и школу. С приездом раввина была создана своего рода администрация, которая должна была заниматься всеми вопросами переселения. По имеющимся сведениям, эта подготовительная работа шла очень медленно, что вызвало отрицательную

реакцию кавказских энтузиастов, активно поддерживающих инициативу раввина. На их многочисленные запросы раввину приходилось отвечать: «Нет денег. Земля еще не подготовлена». И действительно, не было средств, чтобы начать строительство на купленной земле. И Шеребет Нисим решил обратиться к известному всем благотворителю барону Ротшильду. По имеющимся сведениям, он не ответил раввину, и вскоре раввину пришлось вернуться в Дербент. Эта попытка организованного переселения горских евреев не удалась.

Вышеописанная история была хорошо известна И. Ш. Анисимову. Естественно, что сын интересовался делами своего отца по этому вопросу, особенно тогда, когда отец уже не мог этим заниматься по состоянию здоровья. В 1906-1910 годах его родственник В. С. Вейншал дважды приезжал в Палестину, и по поручению Анисимова интересовался его делами на месте. По его свидетельству, купленная когда-то раввином Шеребетом земля становилась безхозной. Если до 1917 года интересоваться подобными вопросами Анисимову удавалось, то впоследствии пришлось отказаться от своих наследственных прав.

Со временем, прямым потомкам ученого тоже пришлось последовать примеру своего отца. Имевшие место события превратились в семейную легенду, в «белое пятно» его биографии.

Говоря о личной жизни И. Ш. Анисимова, конечно нельзя не вспомнить о его женитьбе. Студентом Илья Анисимов не раз бывал в Баку в период своей научно-исследовательской работы по поручению Археологического общества. В один из таких приездов он познакомился с преподавателями одной из бакинских школ Надеждой Вейншал и ее будущим мужем Иосифом Зомбе, которые тоже вели большую общественную работу в городе. Они и познакомили его с Марией Вейншал.

Как это издавна повелось, молодые поведали друг другу о своей жизни до их знакомства. Марию, конечно, не в последнюю очередь, интересовали три возможных «порока» у молодого человека. Она хотела бы, чтобы он не пил, не курил и, конечно, не гулял. Илья считал это законным правом своей будущей жены. Ему уже тридцать два года, и он – уже не мальчик.

Он долгое время находился в студенческой среде, в которой, чего греха таить, бывало чрезмерное употребление спиртного, но он остался убежденным трезвенником.

Не пристрастился он и к курению. Дома у него есть длинный кавказский чубук, который ему подарили во время его путешествия по Кавказу, и он его ни разу не употребил по назначению. Словом, можно сказать, что не пил и не курил.

Ну а о последнем «пороке» ему кое-что надо сказать.

Студент Илья Анисимов не явился исключением из правил. Он, конечно, встречался, и одна из таких встреч завершилась рождением внебрачного сына, который сейчас живет с матерью в Махачкале. Связи с его матерью у него давно порвались, но с сыном он поддерживает родственные отношения.

Мария не придавала особого значения признанию своего возлюбленного. И вскоре на вопрос Ильи: «Свободно ли Ваше сердце?» – она ответила утвердительно. 1-го июля

1894 года состоялось их бракосочетание. По свидетельству здравствующих ныне ее дальних родственников, проживающих в Израиле, это событие в тогдашнем Баку не осталось без внимания. По рассказам их родителей, все были удивлены неординарным по тем временам решением их родственницы, вышедшей замуж за горского еврея.

Об этом памятном событии нам напоминает выгравированная на серебрянных рюмках надпись «Анисимов-Вейншал 1894 г.»

О том, что у Ильи Шеребетовича был внебрачный сын, ныне здравствующим его родственникам известно не было. Естественно, что об этом не знали и его биографы. Не считали нужным об этом вспоминать и его родственники-современники.

Но автор этих строк посчитал целесообразным раскрыть это «белое пятно» в биографии деда и не считает, что оно его чем-то порочит. Наоборот. Мы еще раз можем убедиться, что интернационалист Анисимов был большим патриотом своего народа.

Мария никогда не была против общения мужа с внебрачным сыном, всячески одобряя его поступки. Эмануил, так его звали, получая всяческую поддержку отца, отвечал ему взаимностью. И когда настало время жениться, он решил поведать отцу о своих намерениях. Но девушка, грузинка, на которой он собирался жениться, поставила ему условие — она выйдет за него замуж, если он примет новую веру. Эмануил должен был креститься.

Отец был возмущен таким предложением его избранницы и сказал сыну, что она его просто не любит. Эмануил не прислушался к мнению отца, и его крещение состоялось. После крещения он изменил имя и фамилию. Теперь он стал зваться Виктором.

Мои дальние родственники, ранее проживавшие в Махачкале, видели Эмануила и его дочку, которая долгое время работала в местном Педагогическом институте, но со своими родственниками Анисимовыми не общалась.

У нас имеются достоверные сведения о том, что после крещения сына отец от него отрекся. Для того, чтобы осмыслить столь непростое его решение, нам целесообразно познакомиться с некоторыми высказываниями отца в письме от 2 августа 1912 года сыну Даниилу, который поехал погостить на родину отца к родственникам в аул Тарки.

«Мой дорогой мальчик, Даниильчик! – пишет отец, – я очень рад, дорогой, что тебе все нравится среди горцев, родичей твоего папочки... Тебя не будет смущать незнание родных нравов и обычаев собратьев твоего отца. Я рад, что ты с малых лет чувствуешь в себе эту духовную связь с народом твоего отца и инстинктивно стремишься к познанию его, к укреплению в себе этой связи...»

Эмануил порвал эту духовную связь со своим народом, и отец, большой патриот своего народа, не мог простить ему этого. Он был солидарен со своим современником, небезизвестным С. Витте, который писал, что «нет большего врага своей национальности, своей религии, как те сыны, которые затем меняют свою национальность и религию».

Говоря о личной жизни И. Ш. Анисимова, следует сказать несколько слов о его вероисповедании. Хорошо известно, что несмотря на то, что маленький Илья воспитывался в религиозной семье, и продолжительное время его наставниками были известные религиозные деятели, он получил светское образование. Однако, до сего времени в библиографической литературе о нем нет сведений о том, что признанный классик горско-еврейской этнографии, большой авторитет в вопросах вероисповедания своих соплеменников, был убежденным атеистом.

И в семье спутницы И. Ш. Анисимова Марии Савельевны Вейншал сложилась аналогичная ситуация. Ее отец, главный раввин города Тифлиса Савелий Веншал, тоже хотел, чтобы все его дети выполняли предписанные евреям заповеди. Однако все они получили светское образование и стали атеистами. Естественно, что все дети Марии и Ильи тоже последовали примеру своих родителей.

И. Ш. Анисимов резко критиковал раввинов в вопросах образования. Однако, он считал, что религия играла большую роль в единении народа. По свидетельствам современников Анисимова в Баку, его очень часто видели в синагоге горских евреев города. Но он приходил туда не молиться. Общение с верующими старожилами ему было необходимо. От них он мог услышать много интересного.

И тем не менее, авторитет Анисимова в религиозной среде был очень высок. Зная об этом, его родственник, главный эпидемиолог города Баку В. С. Вейншал, просил сопровождать его во время поездок в районы Азербайджана. Кроме того, что Анисимов прекрасно знал местные языки, его хорошо знали в синагогах, куда за помощью обращался Вейншал. Это было особенно важно во время начавшейся в городе эпидемии.

С уважительным отношением к памяти моего деда я столкнулся, когда зашел в горскую синагогу за мацой. В магазинах города маца тогда не продавалась. Узнав, что я внук Анисимова, раввин распорядился дать мне несколько пачек мацы. «Ваш дед, – сказал раввин, – был великим человеком.»

И.Ш. Анисимов считал, что знание истории своего народа предполагает и знание его главных молитв. Об этом он писал своему сыну Даниилу. Следует отметить, что по свидетельству его дочери Гюльбике, она и ее сестра хорошо знали эти молитвы с детства, хотя и не считали себя верующими.

Одной из важнейших страниц жизни и деятельности И. Ш. Анисимова является его активная деятельность в сионистском движении. Впервые версию об этом выдвинул автор этих строк на страницах газет «Новый рубеж» (США) и «Кавказская газета» (Израиль). Соответствующий материал дал возможность сделать вывод о том, что Анисимов являлся «первым из первых» представителем горских евреев, принявшим участие в этом движении. Ниже читателю предоставляется возможность ознакомиться с этой статьей.

В начале 80-х годов XIX века в ряде городов России, таких как Сувалки, Кременчуг, независимо друг от друга стали возникать общества, исповедующие сионистские лозунги. Одно из таких обществ было создано и в Баку. С деятельностью этого общества неразрывно связана фамилия семьи Вейншалов, которая в это время переехала на постоянное место жительства в Баку, в город, ставший центром общественно-политических движений Закавказья.

Дети бывшего главного раввина Тифлиса Савелия Вейншала получили хорошее светское образование и, переехав в Баку, не остались в стороне от общественной жизни города. Вскоре старший сын раввина Владимир Вейншал становится признанным лидером сионистской организации.

О деятельности участника трех сионистских конгрессов мы знаем хорошо. Знакома историографам движения деятельность других членов этой семьи. Однако, по нашему мнению, вне поля зрения их оказалась деятельность в этом движении первого горско-еврейского ученого И. Ш. Анисимова, ставшего членом этой семьи.

Как известно, в числе первых деятелей сионистского движения на Кавказе из числа горских евреев называют имена М. Богатырева, С. Мордухаева, М. Раввиновича, А. Пинхасова. Справедливости ради, нам здесь следует сделать небольшое уточнение. Все вышеперечисленные пред-

ставители этого движения начинали свою общественную деятельность в сионистском движении Кавказа в начале XX века. Эта плеяда молодых сионистов приняла эстафету движения от своих старших товарищей, начинавших свою деятельность в конце XIX века. И рядом с пионерами этого движения мы видим Анисимова. В это время он становится членом первого сионистского кружка.

Известно, что в детстве наставниками юного Ильи были его отец раввин Шеребет Нисим и его родственник раввин Яков Ицхаки, которые относились к сионистскому движению крайне отрицательно. Яков Ицхаки даже лишил своего сына наследственной доли виноградника за то, что он стал проявлять интерес к этому движению.

В период учебы в Москве у студента Анисимова не было времени заниматься политикой. И можно утверждать, что знакомство с лозунгами сионизма у него началось тогда, когда он познакомился со своими будущими родственниками Вейншалами. Как уже было упомянуто ранее, будучи в Баку несколько раз, он познакомился с учителями одной из школ: Надеждой Вейншал и ее будущим мужем Иосифом Зомбе, которые познакомили Анисимова с Владимиром Вейншалом и его сестрой Марией (будущей бабушкой автора этих строк). В 1894 году Мария Вейншал становится женой Ильи Анисимова. Имеются достоверные сведения, что в этот период он вместе с членами этой семьи активно посещает сионистский кружок. Говоря о сионистском движении на Кавказе, нельзя не упомянуть о деятельности Надежды Вейншал, сыгравшей огромную роль в личной жизни Анисимова, в судьбе его семьи и его потомков. В «Истории евреев на Кавказе» Ицхака Давида приводится список членов кружка сионистов, в котором присутствует имя Надежды Вейншал. Но никто в то время не знал, что она являлась активной участницей большевистского подполья в Баку. Это обстоятельство и сыграло большую роль в дальнейшей судьбе сионистов – Анисимовых, о чем будет рассказано ниже.

Дочь упомянутого нами выше Михаила Раввиновича, более известного под псевдонимом Бен Герарий (сын гор), Кармелия Анисимова, ныне проживающая в США, по рассказам своей матери, вспоминает, что ее отец часто общался с Анисимовым, очень ценил его творческий опыт и общественную деятельность, внимательно относился к его советам. А когда ему понадобилась характеристика, то он попросил ее у Анисимова, считая, что она будет более авторитетной.

Нам известно, что перед своей поездкой на 6-й сионистский конгресс в Базель в 1903 году делегаты горских евреев М. Богатырев и С. Мордухаев приезжали в Баку и встречались с лидером сионистов города В. Вейншалом. Здесь у Анисимова состоялось первое знакомство с ними. Сам Вейншал не мог тогда поехать на очередной конгресс из-за конфликта России с Японией. Вейншал имел воинское звание полковника и в военное время находился в армии. Следует сказать, что в семье Анисимовых обсуждался вопрос о возможной поездке за границу самого Анисимова. Однако, поездка в Швейцарию не осуществилась по ряду причин. Одна из них – отсутствие денег в многодетной семье. Делегаты конгресса должны были рассчитывать на свои средства. Трудности возникли бы и с малолетними детьми. Ну и международная обстановка не позволяла об этом думать.

Следует знать, что И. Ш. Анисимову часто доводилось сопровождать своего родственника врача В. С. Вейншала во время его плановых поездок по районам Азербайджана. Он хорошо знал местные языки и выполнял функции переводчика. Во время этих поездок решались и вопросы целевого сионистского плана. Вейншал давно вынашивал идею побывать в Палестине, чтобы самому на месте выяснить все возможности эмиграции евреев. Такая возможность ему представилась только в 1910 году. Зная о планах друга, Анисимов приезжал специально по этому поводу в Баку с Северного Кавказа для того, чтобы поручить ему выяснить

все подробности дела о покупке его отцом в Иерусалиме земельного участка у Львинных ворот, в бытность его в Палестине в конце XIX века.

О том, что И. Ш. Анисимов был знаком с лозунгами сионизма не понаслышке, у нас имеются достоверные сведения. В личном архиве моих родителей долгое время (до 1937 года) хранилось первое издание книги И. С. Шапиро «Сионизм» в переводе Асафа Пинхасова на горско-еврейский язык. Эта книга была уничтожена моим отцом. Она принадлежала моему деду, о чем свидетельствовала надпись «И. Анисимов», сделанная дедом красным карандашом на ее обложке и пометками по тексту. Находясь на Северном Кавказе, он неоднократно встречался со своими давними знакомыми Богатыревым и Мордухаевым. В 1919 году окружной сионистский профсоюз приступил к выпуску газеты «Табуши сабахи» (Утренняя звезда). И. Ш. Анисимов являлся корреспондентом этой газеты, которая просуществовала до установления советской власти в Азербайджане.

Уже в середине 20-х годов в стране стали проходить антисемитские акции власти. Были арестованы и репрессированы Богатырев и Мордухаев. И мы можем представить себе, как бы сложилась судьба активного участника сионистского движения И. Ш. Анисимова, если бы он остался жив.

В 30-е годы был арестован его дальний родственник Михаил Раввинович, который после отъезда из Баку В. С. Вейншала, стал лидером местной организации сионистов. Ему в свое время давал рекомендацию мой дед. А в 1937 году был арестован уже близкий его родственник Абрам Анисимов, не имевший никакого отношения к сионизму. Его дочь Инна Анисимова поведала мне подробности этого дела. Ее отец был агрономом в винсовхозе им. Карла Маркса системы Дагвинматериалы и никогда не вел какой-либо общественной работы. И тем не менее, обвинительное заключение звучало грозно. В нем говорилось,

что он, «являясь членом сионистской организации, принимал активное участие в контрреволюционной работе, выступал на собраниях с троцкистской идеологией, занимался вредительством на производстве винкомбината, вносил дезорганизацию в стахановское движение, приговорен к высшей мере наказания – растрелу». В 1964 году Абрам Анисимов был реабилитирован.

Об активном участии своих родителей в сионистском движении на Кавказе до революции приходилось помнить и их потомкам.

Дочь ученого Гюль-Бике, его сын Даниил в свое время перезахоронили прах своего отца на московском Даниловском кладбище, умершего и похороненного в Грозном. Беседуя как-то с тетей Гюль-Бике по этому вопросу, я спросил ее, почему они не сделали то же самое с прахом матери, тоже похороненной в этом городе. Конечно, для этого нужны были дополнительные средства. Но, призналась она, были и другие причины. Ее мать Мария Вейншал, выходя замуж за отца, оставила свою фамилию, фамилию известных сионистов, уехавших в 1919 году за границу. К тому же, у сына Даниила были и другие проблемы. Его женой стала бывшая жена «белогвардейского» офицера, отсидевшего срок заключения. Она была внучкой обрусевшего немца, декабриста фон Бриггена. Во время Великой Отечественной войны могли быть большие неприятности. Но этого не происходило. И автор настоящих строк предполагает, что ниже публикуемая им версия может ответить на вопрос, почему ни один из оставшихся в России его близких родственников все же не был репрессирован.

По свидетельствам моей тети Гюль-Бике и моего отца, Надежда Савельевна Вейншал утверждала, что лично зная многих большевистских руководителей, действительно имела определенное отношение к вышесказанному.

О том, что Надежда Савельевна могла в какой-то степени иметь отношение к этому, свидетельствуют ее высказывания в письме моему отцу. Она пишет, что во время войны ее эвакуировали из Ленинграда в Казахстан, а когда после войны она приехала домой, то застала в своей квартире чужих людей. Это были блокадники, потерявшие свой дом и близких. Они категорически отказались уйти. Ничего не могли сделать в то время и местные власти города. Тогда она, вспомнив о своем личном знакомстве со Сталиным и Вышинским в годы ее подпольной работы в Баку, поехала в Москву. К Сталину она не пошла, но Вышинский ее принял, и после этого ее визита блокадники были переселены.

Мои родственники, живущие в Израиле, приезжали в Баку для того, чтобы разыскать в Маштагах дом их предка, известного бакинского врача В. С. Вейншала, жившего в нем в начале XX века. С этой целью они обратились за помощью в мэрию города. К их большому удивлению, на это им понадобилось немного времени. Оказывается, врача Вейншала здесь еще помнят. Они нашли этот дом. Здесь в 1901 г. происходили события, о которых следует знать.

То, о чем я хочу рассказать читателю, в нашей бывшей стране не было известно.

Владимир Савельевич Вейншал, известный бакинский врач, лидер местных сионистов, участник трех сионистских конгрессов, занимал в городе видное положение. От главного эпидемиолога города многое зависело. Без его разрешения в бакинскую бухту не мог войти ни один корабль. «Рыжую бороду», как его прозвали местные жители

на Апшероне, знали все. Достаточно было на улице спросить первого попавшегося прохожего, где живет доктор Вейншал, и тут же узнать его адрес. Врачебная практика у него была очень большая. Если это было необходимо, пациенты могли прийти и ночью.

Однажды, поздним осенним вечером, когда Владимир Савельевич уже решил было ложиться спать, в дверь тихо постучали. Двое вошедших в прихожую с обеих сторон поддерживали третьего, который, поджав под себя ногу, со стоном опустился на поданный Вейншалом ему стул. Он хорошо запомнил этого человека. Смуглое, слегка рябоватое лицо, небольшие черные усы и борода, волосы с проседью, зачесанные наверх. На шее клетчатый шарф.

Осмотрев ногу пациента, Вейншал понял, что имеет дело с огнестрельным ранением. Он не спрашивал пациента, при каких обстоятельствах это произошло. Он понимал, что в подобных случаях врачу надо быть предельно осторожным. Но пациенту нужна была срочная операция, ибо в противном случае, могла начаться гангрена, и Вейншал решил делать операцию прямо на кухне. Ему помогали его жена Каролина, тоже врач по специальности, и родная сестра Надежда, приехавшая к нему из города с ночевкой. Операция завершилась поздно ночью.

Верный заветам Гиппократы, доктор Вейншал не мог отпустить пациента после такой операции, тем более что один из сопровождавших пояснил ему, что они приехали именно к нему, будучи уверенными, что их визит не будет разглашен.

Пациента поместили в одной из комнат дома. По имеющимся сведениям, в доме Вейншалов он находился 10 дней. Детям Вейншалов было строго-настрого сказано, чтобы они никому ничего не говорили о том, что произошло ночью. Увезли пациента в одну из поздних ночей. В доме Вейншалов долго горел свет. Было о чем поговорить.

Этот эпизод в практике доктора Вейншала был бы вскоре забыт, если бы не одно обстоятельство.

Некоторое время спустя, просматривая свежие газеты, Вейншал обратил внимание на одну фотографию, на которой был мужчина, которого он где-то видел. Подошедшая к нему Каролина сразу напомнила мужу, где он его видел. Это был бывший пациент Вейншала, которого привезли к нему ночью. Его звали Иосиф Джугашвили. Его разыскивала полиция.

После 1917 года Вейншалу стало известно и то, что его сестра Надежда, будучи членом сионистского кружка, была активным участником большевистского подполья в Баку и что этого пациента в ту памятную ночь привезли к нему с ее ведома.

Впоследствии это событие в практике доктора Вейншала способствовало решению ряда его семейных вопросов. Большевики помогли ему в 1917 году перевезти одного из его сыновей, в то время учившегося в Германии.

Любопытно, что он ехал поездом, в котором возвращался в Россию Ленин и был свидетелем его выступления у Финляндского вокзала с броневики. Родственники доктора, проживавшие в Баку, в том числе и мои родители, были в курсе всех вышеизложенных событий, но по известным причинам старались не вспоминать о них.

Приехав в Израиль, я познакомился с внуком доктора Вейншала, Буци Вейншалом, который в свое время на иврите опубликовал свои мемуары о своем отце и деде, где он также касается вышеизложенного случая в практике доктора Вейншала. Для русскоязычных читателей, всех выходцев из бывшего СССР, эти неизвестные им сведения будут особо интересны.

Из разных источников после распада СССР стало известно, какими способами добывали большевики средства для своей работы. В числе таких способов не исключались и вооруженные нападения. И. В. Сталин на заре своей революционной деятельности участвовал в таких операциях вместе со своим сподвижником Камо (Петросяном). Вполне возможно, что он получил ранение во время такой опе-

рации. Существуют свидетельства, что он слегка прихрамывал, якобы в связи с падением с лошади. Не являлось ли это следствием вышеописанных событий в Баку?

Судьба участников этих событий сложилась по-разному. В 1919 году В. С. Вейншал с семьей уехал в Палестину. Начавшаяся была переписка Вейншала с оставшимися в Советской России сестрами стала невозможна. Но информацию о том, что происходило за «железным занавесом» в СССР он получал. И на склоне своих лет доктор Вейншал впервые пожалел, что его памятная операция в Баку закончилась благополучно. Как знать, может быть, действительно, от исхода этой операции зависел последующий ход истории.

Надежда Вейншал долгое время работала в Наркомпросе, куда ее пригласила Н. К. Крупская. Мне в 4-летнем возрасте долгое время довелось жить у бабушки Нади в Москве. Жили мы в однокомнатной квартире на Тверской улице. Когда меня привезли к ней, она работала в большой библиотеке. Она жила одна, не имела возможности оставлять меня одного дома и все время брала меня на работу. Моя детская память четко зафиксировала огромное помещение, в котором стояли рядами высокие, до самого потолка, стеллажи, на которых пестрели красивые корешки толстых книг. Бабушка усаживала меня на коврик между стеллажами, приносила мне книжки с картинками, цветные карандаши и садилась за свой стол работать. К ней часто приходила какая-то старая тетя в очках. Подходила она и ко мне.

Очень хвалила мои каракули. Впоследствии взрослые мне сказали, что это была Крупская. По свидетельству моего отца, с которым у бабушки Нади всегда были доверительные близкие отношения, это было время, когда отношения Крупской и Сталина желали лучшего. Крупская, помимо деловых вопросов, всегда делилась с тезкой своими неприятностями. Она была в курсе, что Надежда Вейншал очень близко знала теперешнего вождя, и что он может быть обязан своей жизнью семье Вейншалов.

Вскоре мы почему-то переехали жить в Ленинград и поселились в доме на улице Красных Зорь (впоследствии проспекте Кирова). Жилой дом был галерейного типа, и я все время выбегал из комнаты к галерейному окну кормить летающих на подоконник голубей, чем вызывал неудовольствие бабушки. Я действительно мог вывалиться со второго этажа во двор. Но скоро у бабушки появился помощник, о котором мне следует сказать. Однажды к нам приехал молодой человек по имени Лева. Он и стал за мной присматривать.

Дядя Лева окончил Ленинградский университет и сдал экзамены в аспирантуру местного физико-технического института. Когда бабушка уходила, дядя Лева оставался со мной. В хорошую погоду мы с ним выходили в сад, где находится памятник Крылову. Вокруг памятника много песка, в котором я возился, а дядя Лева садился на скамью и читал книгу. Спустя много лет я узнал, кто это был.

Это был будущий лауреат Нобелевской премии Лев Давидович Ландау, которого мой дед всегда называл Левушкой. Ссылаясь на воспоминания Надежды Савельевны, Лев Давидович был хорошо осведомлен об этнографической деятельности дедушки и всегда говорил, что первыми его авторитетами были его отец и дядя Ильюша, так он в свое время называл Илью Шеребетовича Анисимова. Дядя Лева находился в Ленинграде около 2 лет. И в 1929 г. уехал в загранкомандировку. Бабушка осталась со мной одна. Видимо, со мной ей было нелегко, и вскоре мне стало известно о моем скором возвращении в Баку. Возвратившись домой, я познакомился со своей новой мамой.

Мачеха не сразу завоевала мое расположение. Дело доходило до того, что я рвал все принадлежащие ей в доме вещи. Но со временем я повзрослел и стал понимать, что эта женщина, в прошлом потерявшая мужа и маленького ребенка, искренне полюбила меня. Она стала для меня близким человеком, но мамой я ее так и не назвал. Она осталась для меня тетей Зосей. О ее прошлом в доме никогда

не говорили. И потом мне стало ясно, почему. В 1974 г. когда ее не стало, и уже не было в живых отца, мне стало известно, что в прошлом она имела самое близкое отношение к репрессированному в первые годы советской власти первому секретарю компартии Азербайджана, еврею по национальности, Каминскому.

Софья Львовна Шпанина-Каминская, по специальности фармацевт, в 1941 г. была направлена в черноморский флотский экипаж. Она стала участником героической обороны Севастополя. Из бухты под непрерывными атаками немецких самолетов уходили последние корабли. Начальник аптеки госпиталя капитан-лейтенант Шифрин со своими подчиненными перетаскивал в причалившую лодку медицинское имущество. Остался последний ящик, за которым побежала Шпанина-Каминская. Но, когда она прибежала обратно, лодка уже отчалила. В нашей семье этот день считался вторым днем ее рождения. На глазах у оставшихся на берегу лодка от взрыва бомбы перевернулась. Из персонала аптеки осталась в живых только она.

В личной жизни И. Ш. Анисимова большое место занимала его семья и дети, которых он очень любил. Илья Шеребетович был наделен необыкновенным даром большой любви к своей семье и детям. В его сохранившихся письмах нет ни одного письма, в котором бы он не коснулся бы вопроса, связанного с воспитанием и здоровьем детей.

«Соскучился я по вас, мои милые...Ленечку вчера видел во сне...»

«Целую крепко мамочку и Ленюшеньку-душечку...»

«Наши детки радуют своего папочку своими письмами, и особенно уморительно письмо моего золотого Данички...»

«Моя милая красавица Гуличка тоже хорошо пишет...»

«И что же ты, мамочка, ничего не пишешь мне о даче? Сколько комнат, какой ход, кухня, сад, где вы гуляете, кушаетесь ли?»

«Твой режим относительно детей мне очень понравился и надеюсь, что благодаря ему они быстро поправятся. Побольше молока, яиц, бифштексов и вареных фруктов (компоты, желе), но конфет, я прошу тебя, не давай, чтобы не портились зубки...»

«Хорошо ли ты одеваешь мою красоточку Гуличку?»

Илья Шеребетович любит всех своих детей. Но мы не ошибемся, если скажем, что больше всех он любил свою младшую дочку Цецилию. Он ее просто обожал. В одном письме он пишет: «Особенно крепко целую мою маленькую дочурку Циличку-душечку.»

В другом письме он просит: «Еще раз поцелуй в глазки, в носик, в щечки мою Циличку за папочку.»

Отец вспоминает о том, что ему всегда говорит его дочурка. Для нее он «папочка», а для всех других только «папа».

«Она хочет высказать папочке всю свою нежную любовь и то, что она больше любит меня, чем ты... » – пишет он своей жене.

Впоследствии все его страшие дети, Леонид, Даниил и Гюль-Бике, в той или иной степени становились источником душевных переживаний отца, о чем мы скажем ниже. Говоря о детях ученого, мы имеем возможность остановиться на каждом из них.

В 1955 году мне довелось отдыхать в Ессентуках. Квартира, в которой я остановился, находилась на втором этаже дома, с балкона которого во всей своей красоте открывался вид на гору Бештау. Хозяин квартиры оказался с любопытной судьбой. Андрей Карабанов, член партии с 1919 года, во время гражданской войны был начальником штаба известной «Стальной дивизии» во главе с комдивом Дмитрием Жлобой. После ареста Жлобы Карабанов отсидел длительный срок за переписку с семьей врага народов. Он был во главе «ходовиков» к Ленину по поводу бурок для красных казаков. После гражданской войны был директором Ессентукского курорта, куда приезжали почти все члены Политбюро. Естественно, что он поведал мне много интересных историй. «Миша, – говорил он, – на стуле, на котором ты сейчас сидишь, сидели Карл Радек, Дунаевский...» Кстати, брат композитора был председателем Пятигорского исполнительного комитета. Когда Карабанов стал директором курорта, он привез к себе на курорт повара Николая II, французского еврея, который теперь должен был показывать свое мастерство именитым отдыхающим.

Во время гражданской войны и после нее Карабанов виделся и переписывался с С. М. Буденным по поводу его мемуаров. Это обстоятельство меня очень заинтересовало. И вот почему. Дело в том, что мой дядя, старший сын моего деда, Леонид Ильич во время гражданской войны находился в первой конной армии, а сведения о том, что он, тогда просто «Леха», был ординарцем самого Командарма, остались вне поля зрения биографов маршала. Теперь уже моему собеседнику пришлось слушать меня. Оказывается, что он видел «Леху», но не знал, что он был евреем. Кто же был доселе неизвестный коноармеец «Леха»?

Родился он в 1895 году в Махачкале. Это был первенец в семье деда. Шалун Леня рос неглупым мальчиком. Отец в своем письме от 22 августа 1901 года из Баку писал в Кисловодск жене, которая поехала туда с детьми летом: «Письмо дорогого Ленечки – это просто письмо взрослого человека. Как хорошо, ясно, подробно и отчетливо пишет он! Повсюду виден будущий инженер, а может быть и писатель, но не такой, конечно, как папочка, а гораздо повыше...»

Но детство и юность Лени совпали с переездами семьи из Махачкалы в Баку и обратно, на Северный Кавказ в Грозный. Возможно поэтому он не приобрел себе товарищей и друзей. На шалуна Леню постоянно жаловались родители его сверстников. Сохранилось письмо деда, где он пишет о том, что Леня часто забывает свои обязанности в учебе и поведении, не в пример своим сестрам Гюль-Бике и Цецилии, а также брату Даниилу.

В период, предшествующий событиям 1917 года, Леонид сблизился с товарищами, которые посчитали, что сейчас не время для учебы. И в один прекрасный день он заявил своим родителям, что хочет добровольно вступить в армию, которую формировали большевики. Это была знаменитая первая конная армия Буденного. В составе этой армии он участвовал в боях против белополяков. Отвага и храбрость молодого коноармейца была замечена, и вскоре «Леха», так его звали однополчане, стал ординарцем самого Командарма.

Свою лояльность к новой власти Леонид продемонстрировал тогда, когда его младший брат Даниил решил жениться на бывшей жене белогвардейского казачьего офицера, попавшего в плен и отсидевшего срок заключения. Бывший коноармеец не смог смириться с мыслью о том, что он мог бы встретиться с ним на поле брани с шашкой наголо в смертельной схватке. А теперь бывшая жена его станет ему близкой родственницей!

После гражданской войны Леонид Ильич работает в различных строительных организациях. Несмотря на то, что

он не получил даже среднего образования, он проявил большие способности. Работая в домостроительном предприятии, он предложил новую технологию производства гипсолитовых плит, которая нашла применение в производстве.

Его деятельность в другой отрасли была отмечена несколькими изобретениями в авиационной промышленности.

Однако его личная жизнь, можно сказать, стала продолжением его опаленной войной юности, в которой были победы и поражения.

У него было много побед на любовном фронте и много поражений на семейном. Он неоднократно женился и разводился. Имел много детей от различных женщин. По свидетельству моей сестры, знавшей его лучше, чем я он очень любил застолья. Это пристрастие он унаследовал еще с буденовских времен. Время, наверное, было такое. В итоге, на старости лет он остался без семьи. Последние годы своей жизни он жил в городе Балашиха Саратовской области. Символично, что после его смерти в доме, где он жил, случился большой пожар. Сгорели все его вещи, в том числе документы. Судьба распорядилась так, чтоб бывший коноармеец «Леха» ушел из жизни без следа. Мы не имеем ни одной фотографии нашего героя. Но, по счастливой случайности, мы имеем хорошую возможность видеть его на портрете, написанным профессиональным художником.

В конце своей жизни он приезжал в Москву к своим племянницам, одна из которых, Тамара Данииловна Анисимова, член Союза художников СССР, решила написать его портрет. Этот портрет демонстрировался в залах Московского союза художников в 1981 году и на посмертной персональной выставке художника в 2003 году. Как отмечала критика, этот портрет – одна из лучших работ автора. Комментарии к этому портрету на выставках не давалось. И никто из посетителей не знал, что на портрете изображен бывший лихой коноармеец «Леха».

Второй сын И. Ш. Анисимова Даниил (1897 г. р.) отличался более мягким характером. В противоположность старшему он был внимательным к родителям, старался по долгу не отсутствовать дома.

Проявляемый им интерес к истории, в частности, к своим предкам, был замечен родными с его раннего детства. А когда он подрос, отец решил привлечь его к своей работе. Сохранившиеся его письма этого периода позволяют нам получить подробные сведения из первоисточника. Летом 1912 года отец дает ему ответственное поручение поехать на Северный Кавказ и привезти в Баку интересующий его материал. Это была первая самостоятельная поездка Даниила, и отец в первом своем ему письме пишет о том, что «мамочка – трусиха, тем более, что в первый раз отпустила от себя своего мальчика...», и просит его писать чаще. В трех своих первых письмах И. Ш. Анисимов подробнейшим образом инструктирует сына, как он должен фотографировать намеченные им объекты.

«Относительно географических снимков аула Тарки, я желал бы иметь:

1. Общие или отдельные виды Тарки;
2. Фотографические снимки (в виде ли открытки или фотографии) Шамхалского дворца (вблизи города Темир Хан Шуры). Напиши Нафтоли, чтобы он написал бы дяде Борису или кому-нибудь другому в Шуру (там, говорят, имеются у фотографа);
3. Вид горско-еврейской части аула Тарки (общий вид с синагогой);
4. Фотографию нашего дома, где я родился и вырос в Тарках;
5. Внутренний вид кунацкой комнаты, убранной чисто по-горски в ауле или в городе Петровске, все-равно;
6. Интересные фотографические карточки горских евреев и евреек у дяди и у других родственников и знакомых.»

Об этом он пишет сыну 2 августа 1912 года, а уже 15 ав-

густа он пишет новое письмо по этому же поводу, которое, по нашему мнению, следует опубликовать полностью. Оно показывает нам с какой скупуплезностью Илья Шеребетович относится к планируемой им работе.

Биби Эйбат, 15 августа 1912 г.

«Дорогой мой Даничка!

Получив письмо твое от 12 с. м., сейчас же отвечаю тебе (сегодня среда, не поехал на заседание, так как его отложили на завтра) и особым переводом на имя Александра посылаю тебе 15 рублей. Негативы снимай 18x24. Главное условие – они должны быть ясны и отчетливы. Кроме того, фотограф обязан за те же деньги дать по одному печатному оттиску, то есть по карточке (без наклейки на картон). Если карточки будут хороши, то надо брать и заплатить деньги, а если нет, то заставить переснять, вновь напечатать, посмотреть, пока будет хорошо. Для чего фотограф должен снять каждый вид не менее двух раз (чтобы не переделывать). Затем, главное внимание должно быть обращено на положение, откуда будут сняты виды, чтобы было хорошо освещено и все интересное схвачено, особенно общий вид аула и внутренность кунацкой команты, источник и наш дом. Старайся, и будет хорошо. При снятии внутри кунацкой комнаты скажи Нафтоли, чтобы было возможно больше предметов и обстановки чисто горского характера, и чтобы были составлены хорошие группы: девушек и женщин с кувшинами внизу, а молодых людей наверху, домашние животные, идущие на водопой, и прачки у корыт. Много не надо, чтобы не было пестро, а по одному, по два человека на группу и по одному животному. Снимитесь вдвоем с Нафтоли, если можно, оба в горских костюмах и с кинжалами. Ну вот и все об этом.

От Лени получили письмо, что они (Надя и Леня) выехали 14-го, то есть вчера. Мы все здоровы. Я очень рад, что

мой мальчик доволен своим времяпрепровождением и крепко его целую, кланяйся Нафтоли и Абраму.

Горячо любящий тебя папа.»

Даниил добросовестно выполнил отдельные поручения отца, но вскоре у повзрослевшего сына появились и собственные интересы. В 1925 году он оказался в Москве. Где он встретил свою первую любовь, которая оказалась и последней. Его избранницей стала разведенная русская женщина Александра Александровна Загурская, имевшая ребенка. Первым мужем А. А. Загурской был бывший казачий офицер. В. С. Ершов, участник первой мировой войны, он воевал против Советской власти в белой армии и, попав в плен, был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, впоследствии замененной ссылкой в Сибирь. Попав под амнистию после гражданской войны, он поселился в городе Имбирь, где и познакомился с ней. После кратковременной совместной жизни они развелись. И она уехала в Москву к своей сестре, которая и познакомила ее с дочерью И. Ш. Анисимова Гюль-Бике и его сыном Даниилом.

По свидетельству Гюль-Бике, решение сына жениться на Александре поначалу не обрадовало отца, когда он узнал о прошлой жизни своей будущей невестки. К тому же, у нее от первого брака был ребенок, находящийся у ее матери. В биографии Александры были и другие нежелательные в те годы обстоятельства. Ее родителей посчитали зажиточными людьми и «раскулачили», лишив собственного дома.

Будущая невестка И. Ш. Анисимова являлась внучкой обрусевшего немца, декабриста Фон дер Бриггена. Приставка «Фон» к его фамилии свидетельствовала о его принадлежности к привилегированному роду, тоже не котиравшейся в революционной России. Впоследствии во время Великой Отечественной войны семья Анисимовых старалась не вспоминать об этом обстоятельстве. Ее родная сестра с мужем были обвинены в шпионаже и расстреляны. Не избежал репрессии и родной брат Александры.

У И. Ш. Анисимова действительно имелись основания думать о судьбе своего сына. По свидетельству Гюль-Бике, особенно жесткую позицию занял их старший брат Леонид, бывший коноармеец.

Но Даниил был непреклонным в своем решении связать свою судьбу с этой русской женщиной, которую он полюбил и которая отвечала ему взаимностью. И Даниил не ошибся. Александра Александровна стала преданной, заботливой женой, с которой ему было суждено прожить более полувека.

Ниже мы имеем возможность познакомиться со старшей дочерью ученого, Гюль-Бике Анисимовой (Щербатовой).

Мой коллега, в настоящее время израильский ученый-исследователь культурного наследия горских-евреев, профессор Михаил Агарунов считает, что жизнь и деятельность этой незаурядной женщины заслуживают того, чтобы подробности ее биографии стали достоянием исследователей, тем более что в печати о Гюль-Бике Щербатовой (Анисимовой) почти ничего не сказано.

Мое личное знакомство с тетей Гюль-Бике состоялось, когда мне еще не было 4-х лет. Она жила с мужем в Москве. После смерти моей матери, отец, не найдя в Баку родственников, временно взявших бы меня к себе до окончания им института, повез меня к ней в Москву. Однако, по ее свидетельству, муж поставил отцу условие. Они могут оставить меня у себя, если усыновят. Не думаю, что такую позицию занял только муж тети. Супругов можно было понять. У них не было детей, и они хотели иметь сына. Отец категорически отказался от такого предложения, и с тех пор все контакты между ним и Гюль-Бике были прекращены. Не могу судить о том, прав ли был мой отец, но когда я повзрослел, мои контакты с тетей возобновились. Я часто получал от нее письма, которые впоследствии послужили мне материалом для публикаций, а личные контакты с ней, состоявшиеся в более позднее время, позволили мне получить информацию «из первых рук».

В семье молодоженов, моего деда Ильи Шеребетовича Анисимова и бабушки Марии Савельевны Вейншал, первенцем ждали девочку. Однако, первыми были мальчики. Первая дочка родилась в 1898 году. Она была настолько красивой, что родители решили назвать ее Гюль-Бике (царица цветов). Родители в ней души не чаяли. Сохранившиеся их письма свидетельствуют об их чувствах к этой действительно «золотой куколке», красота которой впоследствии будет играть не последнюю роль в ее жизни. В одном из своих писем отец пишет: «Моя милая красавица Гуличка – «хозяйка», интересующаяся собой «барышня».

Гюль-Бике с ранних лет стала проявлять интерес к своей внешности, словно зная о том, что ее ждет в будущем. А вот выражение «хозяйка» нам следует понимать в том смысле, что она стала хозяйкой своей судьбы. Она делала все так, как считала нужным, даже если ее намерения не совпадали с мнением родителей.

В детстве у Гюль-Бике просматривались две способности: она с большим успехом выступала на домашних спектаклях и с неменьшим увлечением сама оформляла их. Родители отдавали предпочтение второй ее способности. Она действительно очень хорошо рисовала. Однако на вопрос, кем бы она хотела стать, когда вырастет, она неизменно отвечала: «Хочу стать артисткой!» Повзрослев, она начинает выступать на самодеятельной сцене в Махачкале и Баку. Это не помешало ей закончить гимназию с золотой медалью. Это давало ей определенные привилегии при поступлении в любой ВУЗ. Однако, ее успехи в самодеятельности и на состоявшемся на Кавказе «Конкурсе красоты», на котором она заняла первое место, решили ее судьбу. Она готовится поступить в Московский институт кинематографии (ВГИК).

В период ее выступлений на самодеятельной сцене у Гюль-Бике состоялся роман с одним из ее участников, Щербатовым. Этот роман оказался кратковременным, но он оставил заметный след в ее биографии. Она стала но-

свить эту фамилию. Существует версия, что фамилию Щербатова она взяла в честь своего деда Шеребета. Эту версию следует считать несоответствующей действительности.

В начале 20-х годов Первая красавица Кавказа едет в Москву и становится студенткой ВГИКа. Видимо, красота абитуриентки сыграла не последнюю роль. Моя мать, не имевшая никаких способностей к сценической деятельности, тоже получила приглашение поступать в этот же институт.

В годичном возрасте я впервые совершил вместе с мамой свое первое железнодорожное путешествие в Москву. Здесь, по настоянию тети Гюль-Бике, и состоялись «смотрины» моей матери. Она тоже, как и ее сестра, была очень недурна собой и получила приглашение поступать во ВГИК. Видимо, в век немного кино внешность абитуриента имела первостепенное значение.

Однако, здравый смысл взял верх над соблазном стать актрисой, и мы вернулись домой в Баку.

С первых лет учебы в институте Гюль-Бике попадает в поле зрения известных кинорежиссеров, и уже с 1923 года она появляется на киносъёмочных площадках. В том же году она снимается сразу в 2-х фильмах: «Борьба за ультиматум» режисера Бессалыго и «Комбриг Иванов» режисера Разумного. Первые ее опыты были очень удачными и в 1925 году молодая актриса снимается в фильме режисера Эггерта «Медвежья свадьба». А в следующем году ее увидели в знаменитом фильме «Процесс о трех миллионах» не менее знаменитого режисера Протозанова. В этом фильме ее партнером выступал известный нам всем Игорь Ильинский.

Ее успешные выступления в кинематографе были омрачены неожиданной смертью в 1927 году ее сестры, моей матери Цецилии Ильинишны Анисимовой и ее матери Марии Савельевны, а в 1928 году – ее отца, Ильи Шеребетовича Анисимова.

Этот неблагоприятный для нее период совпал со съемками картины «Саламандра» режисера Рошаль. Эта картина

вышла на экраны страны в 1930 году. Последний фильм с ее участием «Тихий Дон» режисеров Преображенской и Правового мы смотрели в 1930 году.

Существует версия о причинах, побудивших еще молодую в то время артистку покинуть кинематограф. В этот период она выходит замуж за известного московского врача-венеролога с очень большой практикой. Новобрачные не нуждались, и муж, якобы, предложил ей бросить работу.

Могу подтвердить лично, что огромная квартира, в которой они жили, была обставлена роскошной мебелью. На полированной тумбочке стоял диковинный, тоже полированный, ящик, из которого торчали выстроенные в длинный ряд большие стеклянные лампы. Это был современный по тем временам мощнейший радиоприемник. На большом письменном столе располагался огромный мраморный письменный прибор, заполненный канцелярскими ручками с позолоченными перьями. Огромная лампа с зеленым стеклянным абажуром освещала поверхность столешницы стола, покрытой зеленым сукном. На столе лежали большие роговые очки.

Такой зафиксировала моя детская память обстановку, в которую я попал. Гюль-Бике, конечно, могла бросить свою работу, но она никогда бы этого не сделала, если бы не появилось звуковое кино. По свидетельству самой артистки, появление звукового кино поставило перед исполнителями ролей новые задачи, которые не всегда могли решать актеры.

Завершив свою творческую деятельность в кинематографе, Гюль-Бике, по совету мужа, пробует свои силы в медицине. Закончив специальное учебное заведение, получила специальность стоматолога. Однако работать стоматологом ей не пришлось. Ее творческая натура требовала более интересной работы. Такую работу она находит в области художественного оформления ткани. Здесь она в полной мере могла использовать свои творческие способности в области изобразительного искусства.

Она успешно осваивает технологию работы художника прикладного искусства и даже получает работу в Московском доме ученых, где успешно читает лекции. Неожиданная кончина мужа заставила ее искать дополнительные материальные средства. И ее способности в области изобразительного искусства позволили ей принимать участие в оформлении главных новогодних елок страны в Колонном зале Дома Союзов.

Это были первые официально разрешенные новогодние праздники «лесной красавицы», которые после революции долгое время считались пережитками прошлого.

В широком кругу знакомых Гюль-Бике в Москве мы видим многих выдающихся деятелей культуры страны. Это и многолетняя дружба с композитором Тихоном Хренниковым и его женой Кларой. О ее встречах с писателем Булгаковым, режисером Товстоноговым, Натальей Сац, артистом Игорем Ильинским и многими другими известными людьми свидетельствуют дарственные надписи на подаренных ей книгах, фотографиях, альбомах и других памятных вещах. Все они ее очень хорошо знали и уважали.

Ведь, по сути дела, она была одной из первых артисток немого советского кинематографа и первой представительницей горских евреев в этом виде искусства.

Можно сказать, что личная жизнь Гюль-Бике долго не складывалась. По ее свидетельству, все изменилось только тогда, когда она познакомилась с овдовевшим полковником Новицким. Она приняла его предложение и никогда об этом не жалела. В известной книге «Земля, до востребования», по которой был поставлен фильм под тем же названием, публикуется характеристика на будущего героя Советского Союза, еврея Маневича, подписанная начальником специальных военных курсов полковником Новицким. Известный руководитель советской разведки Березин доверял ему и предложил Маневичу работу в разведке. Новицкий оказался тем близким человеком, с которым бывшая артистка прожила последние годы своей жизни

в «Кремлевском доме» на Комсомольском проспекте.

Мне довелось бывать в этой квартире, в углу большой комнаты которой, украшенный вечнозелеными ветками, висел большой портрет ее умершего мужа, которого она по-настоящему любила.

Младшая дочь И.Ш. Анисимова, моя мать, Цецилия родилась в 1900 г.

О событиях, связанных с ее именем, будет сказано ниже.

Важной страницей в биографии ученого следует считать его приезд в город, который он назовет своей второй родиной. На протяжении всей своей жизни Илья Шеребетович Анисимов был тесно связан с этим городом. Здесь он нашел свою любовь, верных друзей. Здесь начиналась его общественно-политическая деятельность.

После безуспешных попыток получить интересующую его работу на своей родине в Дагестане молодой специалист Илья Анисимов с семьей переезжает в Баку. Решение И. Ш. Анисимова переехать на работу в Баку было продиктовано рядом известных благоприятных для него обстоятельств. Здесь не было антисемизма и можно было найти работу.

Город Баку стал своего рода убежищем для тысяч еврейских семей. Здесь они обрели кров, место в жизни и вторую родину. В 1913 году в городе образовалась самая большая на Кавказе еврейская община, насчитывающая 10 тысяч соплеменников, что составляло 5% всего населения тогдашнего города. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что здесь уже давно жили его родственники.

В конце XIX века в Баку на постоянное место жительства приехал из Грузии бывший главный раввин города Тифлиса Савелий Вейншал со своими детьми, сыном Владимиром и дочерьми: Анной, Надеждой и Марией. Мария впоследствии стала женой Ильи.

Владимир Савельевич Вейншал уже работал врачом, занимая должность главного эпидемиолога города и жил со своей семьей в предместье Баку, поселке Маштаги.

Надежда Савельевна Вейншал (по мужу Зомбе) вместе со своим супругом Иосифом Львовичем работала в одной из школ города и жила в его центре. Здесь же в самом центре проживала семья Давида Ландау, родного брата жены В. С. Вейншала, Каролины Львовны.

Все они, в случае необходимости, могли Илье Шеребетовичу помочь. Так и произошло. Врач Вейншал имел в городе очень большую практику, и у него было много знакомых высокопоставленных людей. По некоторым сведениям, среди его пациентов были представители семьи Ротшильдов и вполне понятно, что ему не представило большого труда составить протекцию своему родственнику в новой фирме «Каспийско-Черноморском нефтепромышленном и торговом обществе Ротшильда», правда пока на должность техника.

Видное положение в городе занимал и Давид Ландау, долгое время работавший управляющим нефтепромыслами «Каспийско-Черноморского нефтяного общества». Он способствовал тому, что вскоре техник Илья Анисимов был переведен на должность инженера.

Семья И. Ш. Анисимова по приезду в Баку поселилась в его предместье, поселке Балаханы, так как отсюда удобнее было ехать на работу. По свидетельству Гюль-Бике, через некоторое время семья приобрела «два выезда» (т. е. два фаэтона), и отец чаще стал бывать в городе.

Сохранившиеся письма дают нам возможность познакомиться с некоторыми подробностями жизни Анисимова в Баку. В письме Анисимова из Баку от 22 августа 1901 года к жене, находившейся на даче, мы находим сведения о том, что в этот период жизни Анисимовых в Баку они имели возможность содержать своего кучера, который ухаживал за лошадьми и на фаэтоне возил хозяина. На приусадебном участке была корова, домработница ухаживала за ней и доила. Домочадцы имели возможность пить парное молоко «в день 2-3 стакана».

Условия сельской жизни в Балаханах имели свои преимущества. Дети проводили свое время на воздухе в саду, и родители никогда не думали о переезде в город. Из Балаханов было удобнее попадать на работу на фаэтоне или на узкоколейке – «кукушке». Так бакинцы называли эту маленькую железную дорогу, проходящую по Апшерону до

революции и в первые годы советской власти.

У Ильи с Владимиром Вейншалом, пожалуй, не было единого мнения только по одному вопросу – переезду из предместья Баку в город.

У Вейншала в городе была очень большая практика, и он не прочь был перебраться в город, тем более что у него были большие возможности это сделать. Из писем мы узнаем, почему он не сделал этого. Его практичная супруга Каролина Львовна была категорически против этого намерения мужа. В Маштагах у Вейншалов был большой дом с садом, в котором играли их пятеро малолетних детей. На приусадебном участке они тоже держали корову и птицу. Такой возможности в городе у них не было.

Илья Шеребетович пишет жене: «Володя был у меня 2 раза (ночевал), практика у него прелестная, вопрос о переезде в город пока на точке замерзания (говорит, не хочет Лина!)».

Когда в семье Анисимовых родился второй сын, одним из первых об этом событии узнал Владимир Вейншал. Сохранилась телеграмма, посланная Анисимовым из Аджи-кенда, где в то время отдыхала его семья и где рожала его жена.

В. С. Вейншал в городе имел большой авторитет, широкий круг знакомых. Если его другу нужна была его помощь, то он незамедлительно выполнял его просьбу.

Для поступления в реальное училище сыну Ильи Шеребетовича потребовалась справка о прививке ему от оспы, которую срочно должна была выслать отцу его мать. По этому поводу отец пишет жене: «Если дня через два не получу, то Володя запишет его заочно, и на этой неделе я подам директору реального училища через Володю. Володя подаст прошение как о своем племяннике из рода Вейншалов по матери». С Владимиром Илья в Баку не разлучен. Он пишет жене, что ходит с ним в клуб, часто вместе обедают, приезжают друг к другу ночевать.

Не менее близким человеком в Баку Илье Шеребетовичу

являлась Надежда Савельевна Вейншал. Из писем мы узнаем, что не имевшая своих детей, она неизменно сопровождала свою сестру Марию с ее детьми на дачу и помогала ей. В письме мы читаем, что второго сына Даниила Мария родила на даче, и что находящаяся с ней Надежда вместе с акушеркой принимала роды.

Очень близким человеком семье Анисимовых был Давид Львович Ландау. У Ильи Анисимова с ним было много общего: оба – инженеры одной специальности, у обоих творческая жилка, стремление найти что-то новое. В течение долгого времени Д. Ландау занимался вопросами тушения пожаров на нефтепромыслах, и, по свидетельству самого Ильи Шеребетовича, он обсуждал с ним интересующие его вопросы.

В письме жене от 1 июля 1896 года из Нижнего Новгорода, где проходила промышленная выставка, в которой он участвовал, Анисимов сообщает, что написал к этой выставке брошюру, касающуюся нефтяного производства и, в частности, бурения.

Опыт инженера Анисимова был отмечен, когда в 1901 году на его участке забил фонтан. Все это хорошо знал Давид, и этот опыт друга ему был очень полезен.

Работа Д. Ландау была завершена в 1913 году, когда в «Вестнике Общества технологов» отдельными оттисками была опубликована его брошюра «О способе тушения горящего фонтана». Этот новый способ тушения пожаров на нефтепромыслах был с успехом использован на Апшероне. Экземпляр этой брошюры с авторской надписью хранится в моем семейном архиве.

Находясь в Баку, И. Ш. Анисимов продолжает собирать для переиздания своей монографии «Кавказские еврей-горцы» иллюстрационный материал. Его фотографии отличаются профессионализмом, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии, на обороте которых появляется надпись: «Фотограф-любитель, инженер Анисимов, Балаханы, Баку». Большое количество фотографий он сделал

во время поездок по Азербайджану вместе со своим родственником Владимиром Вейншалом, который по своим служебным обязанностям часто бывал в районах с целью обнаружения эпидемиологических заболеваний. Главному эпидемиологу города нужен был переводчик, хорошо знавший местные языки, и Анисимов мог ему в этом помочь.

В публикациях биографов ученого говорится, что в 1904 году Анисимов уезжает из Баку в Грозный. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают возможность более подробно остановиться на этом периоде его деятельности. Прежде всего надо отметить, что этот переезд не был связан с какими-то меркантильными соображениями. Мы уже знаем, что семья Анисимовых жила в Баку в очень неплохих условиях, а сам ее глава уже успел зарекомендовать себя хорошим специалистом. Основной причиной этого переезда послужила необходимость продолжить начатую им работу, связанную с переизданием его монографии «Кавказские еврей-горцы».

В Баку им был собран большой иллюстрационный материал, и возникла необходимость проделать такую же работу на Северном Кавказе. Для пользы дела в семье было решено, что поначалу он поедет в Грозный один. Прежде всего надо было устроиться на работу.

Судя по письмам Анисимова жене в Баку, затруднений в этом отношении у него не было. Его уже хорошо знали как опытного специалиста. В письме от 12 мая 1904 года он пишет, что начал приводить в должный порядок промышленную отчетность и стал осуществлять буровые работы. В письме к нему из Баку его супруга выражает большое удовлетворение его успехами в работе.

«Слава Богу, мой дорогой, что ты почувствовал твердую почву под ногами».

Благоприятная обстановка в Грозном позволила вскоре подумать о возможном переезде всей семьи. Анисимов пишет, что в городе вскоре планируется открытие первых классов, и он уже записал в списки Леонида и Даниила. В другом письме он сообщает, что временно снял трехкомнатную квартиру, и теперь есть возможность разместить кое-какую мебель. Он пишет жене: «Ты у меня молодчина,

дрогая мамочка, что тебе никого не надо для укладывания вещей, но ты укладывайся как следует, не спеши, по мере укладывания вещей отправляй их сюда, чтобы вещи пришли раза за три. И тебе будет легче отправлять, и мне принимать. При сем посылаю тебе чек на 200 рублей на сборы, а прочее я пришлю отдельно. Твой Илюша»

Находясь на Северном Кавказе без семьи, он смог поработать во многих городах региона. Здесь у него завязывались связи, которые ему стали необходимы тогда, когда он принял активное участие в общественно-политической работе на Северном Кавказе.

По свидетельству бывшего жителя г. Грозного, ныне проживающего в Израиле, Михаила Елизарова, занимающегося изучением истории горских евреев общины города, период пребывания Анисимова в Грозном ознаменовался его активной общественной деятельностью. Действительно, в этот период в Грозный к нему приехала жена с детьми, что способствовало налаживанию его семейной жизни. Елизаров сообщает, что на месте молитвенного дома, снесенного сильным наводнением реки Сунжи, горские евреи построили синагогу, во дворе которой открыли школу. Известно, что на это мероприятие Анисимов пожертвовал личные сбережения. Елизаров утверждает, что находясь в Грозном, Анисимов начал работать над своей второй книгой, которая так и не вышла в свет. Очевидно, что имеется ввиду работа по переизданию монографии, начатой еще в Баку. Следует отметить, что определенный интерес представляет сообщение Елизарова о месте расположения школы.

По свидетельству близко знавших Анисимова моих родственников, он высказывал соображения по вопросам организации общеобразовательных школ, в которых учащиеся могли получать какую-то специальность, необходимую для нефтедобывающей промышленности. Этот вопрос он обсуждал еще будучи в Баку со своим родственником и другом Давидом Ландау, занимавшего в то время высокую

должность на нефтепромыслах. По сути дела, обсуждались вопросы организации прототипов современных профтехучилищ, получивших широкое распространение в СССР в послевоенные годы. Любопытно, что эти сведения согласуются с исследованиями М. Елизарова. По его сведениям, вышеупомянутые высказывания ученого находили свое воплощение в попытках организации такой школы в 1904 году в Грозном.

В этот период у Анисимова рождается идея написать пьесу из жизни горских евреев. Он считал, что поставленная на сцене пьеса, даст возможность более широкому кругу общественности познакомиться с бытом и нравами горских евреев дореволюционной России, с народом, о котором в то время ничего не было известно. Таким произведением явилась его драма в 4-х картинах «В горах Дагестана».

Лейтмотивом этого произведения явилась незавидная судьба двух молодых людей, обрученных в детстве и не имевших впоследствии никаких чувств друг к другу. (Любопытно, что сам автор пьесы был обручен в двухлетнем возрасте)

Автор пьесы предполагает, что драматические события ее финала заставят зрителя дать субъективную оценку некоторым существовавшим в то время у горских евреев законам. В преамбуле пьесы автор дает подробную характеристику каждому герою, начиная с его одежды и заканчивая манерами его поведения, что дает будущему постановщику пьесы справочный материал. Пьеса отличается исторической достоверностью, поскольку автор очень хорошо знал быт и нравы своего народа. В этом ее большая ценность. Действие пьесы происходит в одном из горных аулов Кавказа. Два брата Месендиль и Кардаш в раннем детстве обручили своих детей, девочку Гузель и мальчика Ильконо. Дети стали взрослыми, и родители решили их поженить. Начали готовиться к свадьбе. Однако, к этому времени сердце Гузель уже было занято, она полюбила Арслана, который воспитывался в доме Месендиля. В свою

очередь и Арслан с детских лет был влюблен и очарован красавицей Гузель. Родители, заподозрив неладное, решили как можно раньше сыграть свадьбу. В этой ситуации Арслан с согласия Гузель решает похитить ее. Это ему удастся сделать. Но во время погони за беглецами погибает брат Гузель Бааз. В восклицании отчаявшегося Месендила предполагаются дальнейшие события, концом которых будет кровная месть за гибель Бааза.

С большой вероятностью можно предположить, что эта пьеса Анисимова являлась первым произведением такого жанра из жизни горских евреев рассматриваемого нами периода времени. Анисимов вел долгие переговоры по поводу издания пьесы в Грозном и потом в Баку, но все его попытки сделать это закончились безрезультатно.

По нашему мнению, существенным пробелом в биографии Анисимова является его деятельность после продолжительного пребывания на Северном Кавказе. Существующие отрывочные сведения об этом периоде его жизни не давали нам ясного представления, где находился в это время ученый и чем он занимался.

Можно со всей определенностью сказать, что в течение 4-5 лет после его выезда из Баку в 1904 году он периодически приезжал сюда. Находясь некоторое время в Грозном без семьи, ему удавалось выезжать в районы Северного Кавказа с целью сбора материала для будущего переиздания монографии «Кавказские еврей-горцы». Однако, как мы уже знаем, завершить эту работу не удалось. С приездом к нему в Грозный семьи у него появились семейные заботы, и он много времени и сил отдает общественной работе. К тому же, у его жены Марии появилась необходимость по состоянию здоровья продолжительное время находиться в Баку. В такие периоды все заботы о детях ложились на плечи И. Ш. Анисимова. В один из таких приездов в Баку она пишет мужу о том, что в семье их друга и родственника Д. Ландау в 1908 году произошло радостное событие. У него родился сын, которого называли в честь его деда «Левушкой».

По этому поводу в квартире Ландау на Торговой улице собрались все родственники, проживавшие в Баку. Тогда никто из них не предполагал, что этот малыш впоследствии станет лауреатом Нобелевской премии, Львом Давидовичем Ландау. Анисимов поздравил своего друга письмом и телеграммой.

Со временем в семье решили временно опять обособиться в Баку, и в 1912 году Илья Анисимов уже работает в предместье города в Биби Эйбате на нефтепромысле. Мария с детьми живет опять в Балаханах и периодически приезжает с ними к мужу. 25 июля 1912 года он пишет своему сыну, поехавшему в Махачкалу: «Сегодня она у меня с детьми, приехала вчера вечером, будут до воскресенья...»

Впервые публикуемые нами достоверные сведения о том, что с 1912 года Анисимовы находились в Баку, делают понятными ранее известные отрывочные сведения о том, что в 1912-1913 годах Анисимов и его супруга состояли членами бакинского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России. Ранее у читателя мог возникнуть вопрос том, каким образом Анисимовы, члены этого Общества, могли выполнять свои обязанности, находясь на Северном Кавказе в Грозном.

Второй раз семья Анисимовых нашла приют в г. Баку. Долгое время о местонахождении дома, где находилась их квартира, родственники и биографы ученого сведений не имели. И только в 2002 году усилиями профессора М. Агарунова и автора этих строк был найден этот дом. По свидетельству М. Я. Агарунова, квартал, в котором расположен этот дом, был известен в городе как «Джумахаляси» (Еврейский квартал). Дом расположен на улице Гоголя (ранее Гоголевской) под №15. По его мнению, найти в этом доме квартиру, в которой жили Анисимовы, еще предстоит в будущем.

Достоверным источником сведений о том, что в предвоенные годы и во время Первой Мировой войны Илья Шеребетович с женой и детьми находился в Баку, является доселе

неизвестная фотография, подаренная им в 1916 году сыну Владимира Вейншала, Якову.

Женившись на Марии Вейншал, Илья Шеребетович стал ближайшим родственником ее брата Владимира и его семьи. Наиболее близкие отношения из детей В. Вейншала сложились со старшим его сыном Яковом. Яков родился еще в Тифлисе в 1892 году, и ко времени переезда его семьи в Баку он был уже взрослым мальчиком. У Ильи Шеребетовича было что рассказать любознательному Якову. По свидетельству его племянника Буци, проживающему ныне в Израиле, его дядя на всю жизнь запомнил рассказы Анисимова о его знаменитом путешествии по Кавказу. Для юноши Якова маститый ученый стал большим авторитетом. Личные их контакты, а также переписка прервались вскоре после отъезда Вейншалов в Палестину. Нам известно, что Яков Вейншал, начав свою литературную деятельность, прекратил заниматься медицинской практикой. И когда его близкие спрашивали, почему он это сделал, он отвечал: «Я же не дядя Илюша».

И. Ш. Анисимов до конца жизни совмещал свою научно-исследовательскую деятельность со своей работой по специальности. У нас имеется возможность познакомить читателя и биографов этих двух людей, оставивших заметный след в истории наших соплеменников, с доселе неизвестной фотографией. На обороте ее Анисимов поздравляет своего молодого друга с завершением учебы в Женевском университете и началом своей врачебной практики. Он пишет: «Дорогому Яше от дяди Илюши по случаю его вступления на самостоятельный путь добра в области исцеления страждущего человечества, на каковом пути дядя желает ему счастья и душевного удовлетворения, Баку, 4 октября 1916 года».

По нашему мнению, эта фотография, обнаруженная автором этих строк, в личном архиве племянника Якова Вейншала имеет особую ценность. Все известные нам фотографии Анисимова сделаны либо в юном и молодом

возрасте, либо в конце его жизни. На публикуемой нами фотографии ученый изображен в 54-летнем возрасте, и мы можем увидеть, как он выглядел в это время. Мы можем утверждать, что оба наших героя в это время находились в Баку.

Первой покинула Баку Гюль-Бике, уехав в Москву. Еще раньше из Грозного туда же уехали Леонид и Даниил, и некоторое время в квартире жили Мария и ее младшая дочь Цецилия. Илья Шеребетович очень часто уезжал и подолгу отсутствовал. В 1921 году Цецилия устроилась на работу в библиотеку Индустриального института (впоследствии, Азербайджанского Краснознаменного Индустриального Института им. Азизбекова), где стал учиться мой отец. В этой библиотеке состоялось первое знакомство моих родителей. В мае 1922 года состоялось их бракосочетание. По этому поводу в квартире родителей моего отца собрались родственники и друзья молодоженов. Из Москвы приехал Даниил, с которым у моего отца были довольно близкие отношения. Не приехали тогда на торжество в Баку Леонид и Гюль-Бике, принимавшая участие в съемках кинофильма. У всех присутствующих на торжестве было приподнятое настроение. По свидетельству моего отца, Илья Шеребетович изрядно выпил и был навеселе. Все знали его как строгого трезвенника, и, когда его спросили, почему он сегодня нарушает свои принципы, он ответил: «Сегодня у меня двойной праздник – я отдаю замуж свою дочь в день своего рождения, и мне положено выпить двойную порцию спиртного».

И действительно, эти два события отмечались в один день. Илье Шеребетовичу в этот день исполнилось 60 лет. Учитывая, что он очень часто надолго уезжал из Баку, в семье было решено совместить эти торжества. Было весело и шумно.

Не забыла поздравить своего родственника и друга семья Ландау. Мой отец впоследствии утверждал, что на торжестве присутствовал и Лева Ландау. Мой отец не общался

с этим 14-летним юношей и вспоминал, что моя мама в детстве очень часто бывала в доме семьи Ландау, куда ее приводил отец, и она очень хорошо знала сына дяди Давида, несмотря на их 8-летнюю разницу в возрасте.

Один раз мой отец побывал в доме Ландау. Это произошло тогда, когда Цецилия зашла к ним со своим женихом с целью познакомить его со всеми членами этой семьи. Отец вспоминал, что Лева был очень замкнутым и неразговорчивым. Было такое впечатление, что он весь «ушел в себя», а когда говорил, казалось, что он думал совсем о другом. Видимо, уже тогда его голова была полна идеями.

О том, что семье Анисимовых не были чужды вопросы искусства, мы знаем хорошо. Его супруга Мария Савельевна хорошо играла на фортепиано и являлась первым наставником для своих детей в этой области. Правда, особых успехов в музыке они не достигли. Видимо, не было слуха. Но разбираться в ней и поиграть «для себя» Гюль-Бике и Цецилия все же научились. У моего отца был очень хороший слух, но он не учился музыке, и сыграть на фортепиано мог только «Собачий вальс». Но голос у него был отменный, прекрасный тенор. У родителей отца в доме был рояль «Беккер», и очень часто Цецилия садилась за рояль и аккомпанировала отцу. Дедушка бывал на этих домашних концертах. Более выраженные способности у Цецилии проявились в живописи, рисунке и особенно в скульптуре. Илья Шеребетович хорошо знал бакинского скульптора Кейлехеса и попросил его, чтобы он с ней стал заниматься в мастерской. Цецилия под его руководством освоила все этапы работы скульптора, включая формовку и отливку из гипса своих работ. Одна из таких ее работ сохранилась.

Анисимов считал, что дочь должна поступать на архитектурный факультет Политехнического института. И Цецилия стала готовиться к поступлению в этот институт. Бывая часто в библиотеке этого института, она встретила там свою хорошую знакомую, которая знала ее родителей и, видимо, с ее протекцией поступила на работу в эту библиотеку.

Судьба распорядилась так, что на строительном факультете этого института учился студент Георгий Шпанин. Первое знакомство моих будущих родителей состоялось.

С моим рождением родителям пришлось искать дополнительные средства. Отец только подрабатывал, у матери в библиотеке оклад был небольшой. И Илья Шеребетович нашел отцу подходящую работу, которая, в буквальном смысле, ничего от него не требовала.

Местные власти Баку решили в городе установить памятник известному азербайджанскому писателю Сабиру. Эту работу должен был выполнить скульптор Кейлехес, которому для этого нужен был натурщик. Таким натурщиком и стал мой отец. В свободное от учебы и работы время отец приходил в мастерскую скульптора, одевался в соответствующую одежду и, заложив руки за спину, как это требовалось по замыслу скульптора, часами позировал ему.

Илья Шеребетович часто заходил в мастерскую, и отец с интересом слушал, о чем говорили взрослые. Автор памятника знал, что Анисимов очень хорошо разбирался в местных национальных особенностях и поэтому очень внимательно прислушивался к тому, что он говорил.

Известно, что Сабир был очень маленького роста, и фигура его, особенно короткие ноги, не отличались совершенством. Мой отец вспоминал, что у Кейлехеса с Анисимовым шли долгие споры о том, стоит ли изображать писателя стоящим. Не лучше ли его «посадить» и тем самым скрыть недостатки его фигуры, сомневался Кейлехес. «Между прочим, говорил он, – народный комиссар просвещения, приехавший накануне в мастерскую, тоже говорил об этом». Наверное, такую позицию занимал не только комиссар Буннат-заде, но и другие руководители республики. Однако Анисимов считал, что писателя нужно изобразить таким, каким он был в жизни, каким его знал народ.

Такой памятник и был установлен в сквере у здания Академии наук Азербайджана. Однако после войны этот памятник был демонтирован, и вместо него сооружен новый,

на котором Сабир изображен уже сидящим.

Очевидно, время «социалистического реализма» потребовало от автора скрыть недостатки фигуры писателя. Такое уж было время – скрывать недостатки и лакировать действительность.

Поступая по совету отца на архитектурный факультет института, Цецилия определилась в выборе своей специальности. Правда, был момент, когда она заколебалась. Виной этому была Гюль-Бике. Достигшая успехов в съемках «немых» кинофильмов на московской киностудии, у нее возникла идея предложить такую же работу сестре. Она, также как и Гюль-Бике, имела хорошие внешние данные, но отец считал, что для того чтобы стать актрисой, этого недостаточно. А других необходимых для этого данных он у своей дочери не находил.

Но так или иначе, я в годичном возрасте вместе с мамой совершил свое первое путешествие по железной дороге в поезде Баку-Москва. Мама мотивировала свою поездку в Москву, чтобы показать меня своему брату Даниилу и Гюль-Бике. Но Илья Шеребетович и мой отец понимали, что она еще колеблется в выборе своей специальности.

И действительно, успехи Гюль-Бике были впечатляющие. Еще будучи студенткой ВГИКа, она уже снялась во многих «немых» фильмах.

Цецилия, как и ее сестра была очень красивой женщиной, и на все же состоявшихся ее «смотреинах», устроенных Гюль-Бике, она получила предложение остаться в Москве и участвовать в киносъемках. Однако, как потом стало известно моему отцу, в решении этого вопроса большую роль сыграл ее брат Даниил, который сумел убедить свою сестру не делать необдуманного шага и не принимать этого предложения.

С тех пор отношения моего отца с тетей Гюль-Бике стали очень холодными, а когда после кончины моей матери она сделала отцу предложение усыновить меня, их взаимоотношения испортились вовсе. Они не виделись до конца своей жизни.

Дедушка сыграл определенную роль и в выборе специальности моим отцом. Когда мои родители поженились, отец уже учился на втором курсе строительного факультета Политехнического института. Но у него возникла ситуация, которая тоже могла изменить выбор его специальности. Это произошло, когда он во время летних каникул поехал в Москву в гости к своему старшему брату Михаилу Шпанину.

Михаил Иосифович в то время уже был известным инженером. Круг его знакомых и друзей включал очень известных в стране людей. Очень близкими друзьями семьи М. И. Шпанина были народная артистка Союза Нежданова и ее муж, главный дирижер Большого театра, Голованов. И он решил, что будет очень интересно узнать мнение этих авторитетных музыкантов о наклонностях своего брата. Отцу непервой было показывать свое вокальное искусство. Он очень часто пел в компаниях, на сцене самодетельности, но перед аудиторией народных артистов СССР он пел впервые. Отец рассказывал потом, что очень волновался, но когда он стал петь известную всем арию Ленского, увидел, что Нежданова очень внимательно его слушает, и по выражению ее лица понял, что она очень удивлена. Когда отец замолчал, Голованов, сидевший у рояля сказал: «У вас, молодой человек, талант. Вам не нужно быть инженером. Вам надо быть певцом». «Миша, – обратилась Нежданова к брату отца, – пусть он бросит учебу в Баку и перебирается в Москву. Мы ему поможем поступить в консерваторию».

Илья Шеребетович тоже считал, что у отца действительно есть талант, но не советовал ему бросать учебу на полпути. Он говорил: «Заканчивай институт, работай по специальности, а там будет видно, как ты поступишь». Он считал, что у артиста-певца короткий активный век. За 50 певцы обычно не поют, а инженер в этом возрасте становится опытным специалистом. А потом, говорил он, существует много людей с техническим образованием, добившихся

больших успехов в других отраслях знаний, в том числе и искусстве. Впрочем, моему отцу за примерами далеко не надо было ходить: инженер-механик Анисимов стал большим ученым в области гуманитарной науки.

Отец не принял заманчивые предложения москвичей. А впоследствии тоже стал ученым в области сельскохозяйственных наук, известным в Советском Союзе инженером-мелиоратором. Он был кандидатом наук, но по мнению известных ученых, должен был быть академиком.

Так закончилось музыкальное хобби отца. Семейный рояль «Беккер» мой отец передал своему младшему брату Виктору, ставшему профессиональным певцом, который с известным в городе джазом выступал на эстрадных площадках Баку. Джаз Рудина в довоенном Баку пользовался большой популярностью. Виктор Шпанин посчитал, что фамилия Шпанин не слишком звучная для артиста и изменил ее на Рудина. Появившаяся было в музыкальном мире фамилия Шпаниных исчезла. Исчезла и их семейная реликвия – рояль «Беккер». Передавая рояль брату, отец поставил ему условие – не продавать его. Однако это условие им не было выполнено. Так закончилась эта «музыкальная история», в которой не последнюю роль сыграл Илья Шеребетович Анисимов.

В библиографии, посвященной истории горских евреев на Кавказе, существует противоречие, которое следует еще преодолеть. Речь идет о Всекавказском съезде горских евреев в 1917 году, в подготовке которого активно участвовал И. Ш. Анисимов.

В юбилейной брошюре Ю. Мурзаханова, посвященной И. Ш. Анисимову и опубликованной к 140-летию со дня его рождения, говорится, что этот съезд по целому ряду причин не состоялся. Автор «Истории евреев на Кавказе» Ицхак Давид, напротив, приводит подробные сведения об этом съезде, который начал свою работу в г. Дербенте 15 июня 1917 года. Он пишет, что на съезде присутствовало 100 делегатов, которые в течение 10 дней обсуждали вопросы, включенные в повестку дня съезда. Мы не будем пересказывать уже известные сведения о том, какую большую работу провел И. Ш. Анисимов в преддверии этого съезда. Вспомним только, что в повестку дня его были включены все вопросы, которые поднимал Анисимов в листовке, выпущенной в мае 1917 года после организационного совещания под его председательством в Хасавьюрте.

Итак, два авторитетных источника имеют разные мнения по поводу проведения этого съезда, и автору настоящих строк, не располагающему какими-либо документальными сведениями, остается только вспомнить, что рассказывали мои родственники об этом периоде жизни И. Ш. Анисимова.

Гюль-Бике вспоминала, что отец очень часто уезжал из Баку на короткое время, так как в это время сильно болела ее мать. И она хорошо помнит, что летом 1917 года он уехал на более длительный срок, и все заботы о матери легли на ее плечи. Отец говорил, что это очень важное мероприятие и что он на нем обязательно должен присутствовать. Он находился в Дербенте около полумесяца. В начале XIX века

здесь, в Дербенте, был раввином его отец, и у него было много знакомых, у кого он мог бы остановиться.

До войны в Баку мне доводилось встречаться со старожилами Дербента, один из которых утверждал, что в этот период И. Ш. Анисимов приходил в их дом к его родителям. Наконец, по рассматриваемому нами вопросу у нас имеется еще одно свидетельство о том, что Анисимов все же приезжал летом 1917 года в Дербент на «собрание горцев-татов». Об этом говорил моему отцу сын ученого Даниил. Летом 1917 года он приезжал в Баку в связи с болезнью матери, и отца он не застал, так как тот в это время уехал в Дербент на какое-то «собрание горцев-татов».

В то время сын и дочь не особенно интересовались делами отца, но Гюль-Бике вспоминала, что он был доволен своей поездкой в Дербент.

Завершая вышеизложенное, следует отметить, что сведения, приведенные автором «Истории евреев на Кавказе», являются достоверными и по объему информации уникальными.

Всекавказский съезд горских евреев имел для них судьбоносное значение. В числе его важнейших решений было заявление о том, что горские евреи не будут отделяться от остального еврейского населения региона, и подчеркнуто, что они являются неотъемлемой частью еврейского народа.

Съезд явился первой политической акцией горских евреев и стал событием большой важности.

Следует помнить о том, что у истоков этого события стоял Илья Шеребетович Анисимов.

Можно, увы, с уверенностью сказать, что автор этих строк в настоящее время стал последним потомком И. Ш. Анисимова, которого он лично видел. Это обстоятельство и побудило его взяться за перо и оставить биографам ученого «информацию из первых рук», а также все, что ему известно из его жизни и деятельности.

Естественно, что детская память в возрасте 4-х лет не могла запечатлеть все, что хотелось бы сейчас знать. Однако, в моей памяти довольно четко запомнились события, связанные с личным участием моего деда.

Известно, что старшая дочь его, моя тетя Гюль-Бике, была артисткой «немого» кинематографа и снималась во многих картинах 20-х годов прошлого века. Будучи в Баку, дед не пропускал не одной картины с ее участием. На просмотр картины собирались все родственники. Все они тогда жили в центре города. Мама, отец и я жили у родителей отца в доме №25 по Кооперативной улице, напротив известного всем старожилам города Парапета. Анисимовы еще снимали квартиру в доме № 15 на Гоголевской. До кинотеатра отсюда было рукой подать. Он располагался на первом этаже нынешнего Бакунивермага на бывшей улице Джапаридзе. Хорошо помню, что он назывался «Тейяре», что на азербайджанском языке означает «самолет». Поперек зала стояли длинные скамейки. В глубине зала, на противоположной от входа стене, висел белый экран, а под ним на небольшом возвышении сбоку стоял рояль, на котором пианист импровизировал мелодии в зависимости от того, что происходило в фильме. Во время демонстрации фильма я обычно сидел на коленях мужчины, отца или деда. Я помню, что дедушке все время что-то не нравилось. Он качал головой и периодически хлопал себя по колену. А если я сидел у него, то доставалось и мне. Возможно поэтому я так хорошо запомнил эти подробности общения с

ним. Тогда я еще не знал, что он с самого начала был против увлечения дочери самодеятельностью, а потом поступления ее во ВГИК. Он считал, что она, закончившая гимназию с отличием, может иметь другую специальность, словно предвидя, что с появлением звукового кино она рано перестанет сниматься в кино.

Об этом впоследствии мне говорила сама Гюль-Бике. Дед понимал толк в этом виде искусства. Символично что его первое знакомство со своей будущей женой, моей бабушкой Марией, произошло в театре, куда его пригласила тетьа ее , Надежда Савельевна Вейншал. Его письмо к жене от 1 июля 1896 года свидетельствует о том, что находясь даже в командировке, он находил время, чтобы побывать в театре. Он участвовал в нижегородской промышленной выставке и по долгу службы должен был неотлучно находиться на ней с 10 утра и до позднего вечера и все-таки нашел время, чтобы посмотреть гастролирующих знаменитостей. Он пишет жене, что был «один раз в оперетке, один раз в театре вчера, где давали «Плоды просвещения» Толстого. Играли прелестно все знаменитости Московского императорского театра». Находясь в Баку, он не упускал возможности пойти в местный русский театр БРТ (Бакинский Рабочий Театр), в котором начинали свою карьеру будущие знаменитости Михаил Жаров и Фаина Раневская. Гюль-Бике говорила, что, пожалуй, ей надо было прислушаться к тому, что ей говорил тогда отец-театрал.

Еще более четко я помню деда, когда он приехал в Баку в 1927 году. Может потому, что я стал старше. Возможно и потому, что мои близкие еще долго вспоминали это время, дополняя мои детские впечатления неизвестными мне тогда подробностями.

Внезапная болезнь моей матери, поступившей в этом году в Индустриальный институт, началась с высокой температуры. Мою детскую кроватку из маленькой комнаты, где лежала мама, перенесли в большую столовую. Отец периодически брал меня на руки и издали показывал меня

ей. Наш частный семейный врач установил диагноз малярия, и прошедшие несколько дней не предвещали чего-то тревожного. Но температура не спадала, и ей становилось все хуже и хуже. Пришлось отправить ее в больницу, где установили, что диагноз нашего семейного врача был ошибочным. Мама болела тифом, и все процедуры и лекарства, приписанные при малярии, были противопоказаны при заболевании тифом. Спасти маму не удалось. Отчаявшись, отец хотел подать на семейного врача в суд, но потом решил этого не делать. Жену ему уже не вернуть, и теперь перед ним возникли другие проблемы.

Хмурое утро 10 октября 1927 года. В доме непривычно тихо. Настенные часы в нашей столовой, которые всегда привычно тикали, стоят. Зеркало на трюмо завешено простыней. Входная дверь квартиры открыта, и в комнату входят и выходят незнакомые мне люди. Все это я вижу из своей детской кровати в столовой и не могу понять, что же сейчас происходит. Позавчера был день моего рождения. С тех пор я не видел папу. Почему вдруг в нашей квартире бабушка Надя и дедушка Илья? Ответить на все эти вопросы потом мне помогут взрослые. А сейчас меня отнесут к нашим соседям.

В день похорон мамы отец попросил, чтобы меня на руках вынесли на балкон, где мне хорошо было видно, что происходит внизу на улице. По свидетельству взрослых, я вел себя очень спокойно. Им было невдомек, что я уже не первый раз вижу похоронную процессию. Балкон нашей квартиры на втором этаже был расположен так, что все такие процессии с музыкой или без нее всегда проходили под ним, и я имел возможность сверху все это видеть. Такие картины можно было видеть довольно часто. Признаюсь, что они мне тогда снились во сне.

Вполне возможно, поэтому такие картины не производили на меня особого впечатления, и я теперь спокойно наблюдал за тем, что происходило там как-бы со стороны, не ведая о том, что сейчас хоронят мою мать. Было очень

много народа и цветов. Похоронная процессия с Кооперативной улицы свернула на Кривую, прошла под нашим балконом и медленно двинулась вдоль нее. Замыкали процессию несколько фаэтонов. В одном из них, вместе с пожилыми родственниками сидел Илья Шеребетович, который чувствовал себя очень плохо. Вчера к гробу дочери он возложил большой венок. По свидетельству моего отца, по желанию бабушки он вынул несколько цветов из этого венка и засушил их. Этой реликвии в нашем семейном архиве свыше 80 лет.

После похорон меня от соседей перенесли в нашу квартиру. Как говорили потом взрослые, за много лет за столом собрались почти все наши близкие родные. Хорошо помню, что дедушка сидел рядом с тетей Гюль-Бике. Он все время молчал, опустив низко голову, подпирая ее двумя руками. Я тогда ничего не понимал и, по воспоминаниям отца, несколько раз пытался позвать маму. Дедушка был неузнаваем. Сидя за столом, он не произнес ни одного слова. И не мудрено – он потерял самую любимую дочку. Она была младшим ребенком в семье, и с ней он общался больше, чем с другими детьми. Старший, Леонид все время отсутствовал, а Гюль-Бике и Даниил стали москвичами и редко виделись с отцом. За последние годы он потерял жену. Чего греха таить, были времена, когда старшие дети не радовали его своими жизненными решениями. Время в стране было такое, что могли вспомнить о его близком родстве с сионистами и о его участии в этом движении. Последнее время давала о себе знать его хроническая болезнь. И вот снова на его жизненном пути испытание, которое он не перенесет. Об этом он сказал своей дочери Гюль-Бике. Свою Цецилию он переживет на несколько месяцев. Тетя Гюль-Бике говорила мне, что перед своим отъездом в Грозный дедушка все время старался быть со мной, словно чувствуя, что его еще связывает с Цецилией. В Грозный дедушка поехал вместе с Гюль-Бике, но она с ним не могла быть долго, так как в это время шли съемки фильма с ее

участием, и Илья Шеребетович остался в полном одиночестве. Под новый 1928 год к нему приезжал мой отец, который видел его совсем больным. Это был последний год жизни дедушки. На его похороны приехали Гюль-Бике и Даниил, которые впоследствии перезахоронили прах отца в Москве.

Все эти известные нам печальные события, имевшие место в последний период жизни дедушки, отходят на второй план, когда я вспоминаю, каким был он в жизни. Меня он неизменно называл шутливо «Шмендриком–пендриком». Это ничего не означающее выражение оставило в моей памяти образ веселого и доброго человека, которого я называл «дедулей Ильюшей».

Отец после смерти мамы долгое время не мог прийти в себя. Все в доме ему напоминало о жене. Если раньше, как и все члены нашей семьи, он не обращал внимания на постоянно проходившие мимо нашего дома похоронные процессии, то теперь они все время напоминали ему о том, что произошло в нашем доме. Казалось, время – лекарь. Но оно ему не помогало. По его признанию, он стал думать об обмене квартиры. Дедушка Иосиф и бабушка Аня, понимая переживания своего сына, дали ему согласие на обмен одной его комнаты. Вскоре обмен состоялся. Он обменял одну свою комнату в самом центре города на трехкомнатную изолированную квартиру на тогдашней окраине города, в так называемом Арменикенде (Армянской деревне). В 1930 году умерла моя бабушка Аня, а через год и мой дедушка Иосиф, и в нашей старой квартире появились новые жильцы.

Письма, впервые публикуемые нами, заимствованы из воспоминаний внучки ученого Маргариты Даниловны Анисимовой, сделанных ею по материалам Документальной коллекции Московского архива личных собраний. Они дают нам возможность получить представление о личных взаимоотношениях в семье ученого и окружающей ее среде в конце XIX - начала XX веков.

Нижегородская выставка

1 июля 1896 г.

Милая и дорогая моя душечка,
Манюшечка!

Получил я всего 2 телеграммы и одно письмо от тебя. Я так рад, так рад, что вы, мои бесценные душечки, здоровы и чувствуете себя хорошо, гуляете... Я на выставке сегодня 4-ый день... смотреть так много интересного, что едва ли успеваю за это время осмотреть хоть и половину. Ходишь, высунув язык, обедаешь там же, словом, с 10 часов утра до 6 вечера на выставке. Здесь в первый же день я встретил Леонида Михайловича, который дал мне работу составить маленькую брошюрку о развитии промыслов и заводов, чтобы дать их публике при объяснении бурения. Два дня у меня пропало даром.

Здесь находится Пашковецкий из Баку в качестве «эксперта». Он тебе клянется. Мы с ним все свободное время проводим вместе. Были 1 раз на оперетке и 1 раз на драме – вчера, где давали «Плоды просвещения» Толстого. Играли прелестно все знаменитости Московского Императорского театра.

Что же еще писать тебе, моя милая и дорогая, моя женушка-душечка?! Соскучился я по вас моих милых...Ленечку вчера видел во сне «так и торопился ходить». И ходит ли он теперь без опоры?

Пока получишь это письмо и Надя приедет. Кланяйся ей и Авдотье Владимировне. Выйду я или в воскресенье 7-го, или в понедельник 8-го.

Будьте здоровы, мои дорогие. Здоровье мое прелестное, но немного устаю.

Целую крепко мамочку и Ленюшеньку-душечку.

Твой, любящий тебя Илюша.

Спешу на выставку

9 ч. утра.

14 июля 1900 г.

Кисловодск

Дорогой Илюша!

Ждала я от тебя весточки: думала, что по получении от нас карточки с Цециличкой напишешь нам, да, видно, не дождусь. Напиши, пожалуйста, как тебе понравилась наша дорогая куколка на руках у мамочки? Мы тут, Слава Богу, здоровы. Я тоже себя прекрасно чувствую. Относительно нас – будь спокоен. А вот ты как поживаешь? Жарко, должно быть, в Грозном? А тут совсем, совсем прохладно.

Детки очень довольны Кисловодском, но часто вспоминают папочку и смотрят на карточку, а Гуля говорит: «Вот что я вам говорю – это вовсе мой папа». Даня заявляет: «Папа мой». Леня же готов их всех потащить за чуб: «Нет, это наш папа, а не твой и не твой!» Дети ждут твоего приезда, а я им говорю, что папа занят. Они отвечают: «Ну тогда хоть Танахим!»

Леня с Даней в первый день нашего приезда горячо пос-

порили о том, кому больше работы, инженеру или доктору. «Конечно, инженеру! – заявил Леонид, – Доктор что? Только когда рабочего задавит, надо голову разобрать, тогда работа, а так сиди себе как философ! А у инженера буровая, да контора!» Я хохотала тихонько, чтобы не помешать этому монологу.

Кухарку я взяла за 10 р. в месяц со стиркой белья. Как живет бабушка?

Адрес мой: Кисловодск, Терск. обл., Большая Ольховская улица, дом Бакуниной. Марии Савельевне Анисимовой.

Массажистка, которая живет против меня, оказалась моей старой знакомой; послезавтра начнем массаж.

Мы все крепко-крепко целуем папочку и ждем письма поскорее.

Мой привет Чернявским, квартир много, передай им!

Еще раз целую тебя!

Твоя Манюша.

Балаханы

22-го августа 1901 г.

Дорогая Манюша!

Наши детки радуют своего папочку своими письмами и особенно уморительное письмо моего золотого мальчика, Данички. «Я пишу, – говорит он, – что мы босиком ходили, купались...я пишу и больше ничего не пишу!» Этот детский лепет характеризует моего «будущего философа» воочию. Много говорить он не любит, тем более после того, как Леня написал все и ничего ему не оставил. Он только подтверждает, что «ходит босиком» и «купается». Значит, папочка вполне должен догадаться, что он «вполне здоров и счастлив». За это лаконичное выражение самой важной из своих мыслей я его целую бесконечно много и желаю

ему, чтобы он всегда был бы счастлив и также, как этими двумя словами, радовал бы папочку. Что же вы хотите, господа? Я пишу, что больше ничего не пишу. Значит, больше не о чем писать и заниматься пустой болтовней. Дорогой мой мальчик!

А как хорошо ты схватила этот душевный лепет; а затем письма Лени и Гули – это есть шедевр детских писем. Письмо дорогого Ленички – это просто письмо взрослого человека. Как хорошо, ясно, подробно и отчетливо пишет он! Повсюду виден «будущий инженер», а может быть и «писатель», но не такой, конечно, как папочка, а гораздо «повыше», словом по закону «эволюции Дарвина». Молю Бога, чтобы он был всегда так же здоров, как и умен!

Моя милая красавица дочка Гуличка – также так хорошо пишет, что по всему видна будущая «хозяйка» и интересующая собою «барышня». Она снималась, «дни рождения справляет» и помогает по хозяйству мамочке. Леничка пишет, что учится с дедушкой, а о Циличке, что она стала «толстая девочка». Ты можешь себе представить, как это все радует папочку в «аду» и «покинутого».

Здоровье мое теперь в общем хорошо, но ломота в спине опять возобновилась. Жара стоит еще по-прежнему и меня постоянно бросает в пот.

Ну, как ты поживаешь? Как прислуга, не было ли больше «инцидентов» у тебя с Фрейленг? У меня опять совершился «инцидент» с кучером и «последний». Он напился пьяным, сломал фаэтон, опять чуть не опрокинул меня с Леонидом, скоропалительно взял свою жену Дарью от меня и оставил нас. Мы еле добрались до дома пешком. Анюта из Маштагов сидела у нас дома и ждала двое суток, а Алексей с Дарьей пропали это время и без просыпу вместе пьянствовали. Наконец вчера Дарья пришла. Когда по моей записи, составленной по твоему поручению, стали проверять вещи, то некоторые из них оказались у нее дома, и она принесла.

Относительно прислуги Анюта устроила так: ты, кажется, знаешь, что няня ее Елена пошла к мужу (живут рядом

с нами, на Бакинском нефтепроводе), а на ее место поступила в няни ее сестра, которая приехала из России.

До твоего приезда взять новую женщину я побоялся и не знал, как быть (идет ремонт, все разбросано, я целый день и вечера на службе – могла обождать, сколько угодно, и я бы ничего не знал). И вот они позвали эту Елену и предложили быть у меня кухаркой без уборки комнаты (убирает телефонщик) и без стирки (чтобы стирку отдать прачке). Она от постоянного кухарничанья отказалась и согласилась «приходить» утром поставить самовар, доить корову (дает 2-3 стакана в день – я пью часов в 10), затем она готовит обед и подает, моет посуду, вечером часов в 6 поставит самовар и подает ужин с мытьем опять посуды. Таким образом, вот эти 2 дня она и делает, особенного недостатка не чувствуется, хотя, конечно, было бы хорошо иметь дома постоянного человека и стирку не давать на сторону. Сейчас приехала Анята переночевать у меня и завтра поехать в город купить буфет и материю для обивки мебели.

Ремонт квартиры затянулся и на будущей неделе совершенно окончится. Квартиру я тебе так «отделал» со всеми удобствами, что, надеюсь, будешь довольна.

Дела у нас «нефтяные» ужасно отвратительны: в №6 на 151 уч. (где был фонтан) нефть упала в цене до 6 коп. и настроение «хозяев» стало еще более отвратительным.

Посему надежда прокатиться в Питер и по дороге заехать к вам теперь рухнула, и я увижу вас только в Балаханах. Приехать можно будет вам, вероятно, не раньше числа 15 сентября, так как пока стоит жара и в Балаханах громадное количество больных тифом.

В Маштагах все наши здравствуют, Володя был у меня 2 раза (ночевал), практика у него прелестная, вопрос о переезде в город пока на точке замерзания (говорит, не хочет Лина!).

У Аняты квартира отремонтирована уже и ждет переезда, когда жара упадет после 1-го сентября. Сейчас за столом сидят Анята и Леонид, читают газеты, а я пишу письмо

(9 час. вечера). Кланяемся всем. Будьте здоровы. Целую крепко, крепко всех вас поодиночке, в том числе и папашу, кланяюсь Авдотье Владимировне и Фрейленг. Особенно крепко целую мою маленькую дочурочку Цилечку-душечку.

Твой Илюша.

Балаханы

22 июня 1903 г.

Дорогая моя Манюшечка!

Письмо твое наконец-то я получил! Разве можно так долго не писать, моя мамочка! Я так беспокоился, что в этот вечер хотелось вечерами телеграфировать, а за обедом подали мне «заказное» письмо. Увидел твой «милый» почерк, но, не забыв и «запреты» твои «за обедом не брать и не читать писем», я сначала расписался в книге и отложил письмо в сторону! А вдруг там что-нибудь важное, беспокойное, кусок мяса застревает в горле...и я бросаю вилку...еще раз вспоминаю о «строгом запрете» моей дорогой женушки, осматриваю конверт кругом! Ну можно ли воздержаться от соблазна поскорее узнать, что в конверте, я быстро раскрываю его!

Прежде всего бросаются в глаза какие-то каракули крупными буквами на простой бумаге: «Дорогой папочка...» С захватывающим интересом и любовью читаю я «первое» письмо моего золотого мальчика Ленички, читаю его мысли, вижу его перед собою, и на письмо падает слезинка радости! Дорогой мой мальчик! Как он хорошо свое путешествие излагает, прямо как большой! Затем читаю письмо Данички, Гулички и Цилички, тоже написанное Леничкой, и прихожу быстро в умиление, – «Дай Бог вам всем здоровья, счастья и всего хорошего» – произношу я, кончая весь

этот детский лепет, и берусь за твое письмо. Так и есть: значит, вы все были больны! Может быть и теперь это все продолжается, а ты пишешь по обыкновению, что поправились, чтобы я не беспокоился? Ну, смотри же, Манюша! Между нами был уговор, что ты пишешь мне всю правду... иначе я вечно буду беспокоиться и гораздо хуже. Показала ли ты детей врачу? Откуда это врач Соколов? Не из Москвы ли? В Москве был один популярный врач тоже Соколов, который вылечил меня от брюшного возрастного тифа, когда я был студентом. Жил он на нашей улице. Спросика. Если он – это замечательное обстоятельство! Поправились ли вы все окончательно? Получила ли ты посылку с вещами, которую ты просила? Что пишут из Илецка? Почему ты не писала, при каких обстоятельствах ты оставила у себя Надю? Вчера (суббота) я был в городе (в клубе) с Володей, и он рассказывал, что Анюта пишет, что она вынуждена оставить Надю, чтобы приготовить к экзаменам Леню. Что это значит? Здорова ли Анюта? Может быть это большая жертва, от которой зависит ее выздоровление? Меня это очень беспокоит и я ужасно расстроен. Спросила ли ты Анюту письмом или телеграфом, что у них делается? Если нет, то это необходимо сделать сейчас же по получению этого письма. Слово «вынуждена» мне не нравится. Если Надя там нужна, то нужно ее отпустить, а для Лени взять другую, не задаваясь вопросом, дорого или дешево это будет стоить. Итак, я надеюсь, что ты умница и сделаешь так, что все будет хорошо. Что же ты, мамочка, ничего не пишешь мне о даче? Сколько комнат, какой ход, кухня, сад, где вы гуляете, купаетесь ли и пр... пр.? Твой «режим» относительно детей мне очень понравился и надеюсь, что благодаря ему они хорошо поправятся. Побольше молока, яиц, бифштексов и вареных фруктов (компоты, желе). Но конфет, я тебя прошу, не давай, чтобы не портились зубки. Упал ли еще зубок у Данички? Скоро, пожалуй, упадут и Гулички? Как занимается Даничка? О Лене я не спрашиваю, потому что я надеюсь на Надю, что она его приготовит. Я

просил тебя написать, сколько и какие оспенные знаки на руках Ленечки, чтобы написать прошение. Если дня через два не получу, то Володя запишет заочно, и на этой неделе я подам директору реального училища прошение через Володю. Так нахожу удобнее, чтобы не быть никому обязанным, а Володя подаст прошение, как о своем племяннике из рода Вейншалов по матери. Что же тебе еще написать, моя дорогая, о наших детках? Хорошо ли одеваешь ты мою красоточку Гуляночку и как она вообще выглядит? Если бы ты знала, какая она «душечка». А дорогая моя Цециличка! Она правду говорит, что я ее «папуля», а твой «папа». Этим она хочет высказать к папочке всю свою нежную любовь и то, что она меня гораздо больше любит, чем ты. И это так, кажется, правда! Не так ли я объяснил? Ну как твое теперь здоровье? Надеюсь, что поправилась, хотя когда ты немножечко похудеешь, тебе идет больше! Но «чур», я сказал «немножечко», а много чтобы ты похудела я вовсе не хочу, потому что не люблю в женщинах «сухих мумий» или «тощую тарань». А как Надя? Представь себе, я провожал ее тогда с Володией на вокзал и, боясь тебя, на прощание даже не поцеловал. Володя это заметил, но ничего не сказал: вероятно подумал, что я из скромности. Как бы не так! А с ним то мы постоянно чмокаемся, хотя бы виделись три дня тому назад, и это ему, по-видимому, доставляет очень большое удовольствие. На прошлой неделе, когда был у Володи, он сказал, что сегодня собирается писать своим в Дублин и спросил, может быть и я настрочу несколько слов. Я написал целое письмо со всеми нашими новостями и пожурил немного Лину за то, что она долго не писала и заставила Володю волноваться. Засим попросил ее передать поклон Якову Львовичу и его супруге поклон и лучшие пожелания от «незнакомого родственника», который о них постоянно спрашивает и интересуется.

По части развлечений я мало занимаюсь, очень редко бываю в городе и большею частью все вечера сижу дома или в конторе. Вчера вызвал меня по телефону в город Матвей

Борисович, который приехал в 4 часа дня. Сидели с ним до 10 ч. вечера, затем отправились в клуб, где встретился с Идельсоном. Затем пришел Володя, ужинали за общим столом, где был еще старший Гальперин.

В поезде, когда поехал в город, встретил в купе О. И. Дембо (глухой родственник бывшего нашего директора), поздоровался и там же встретил господина и госпожу Курх, тоже поздоровался с ними за руку. Они (супруги) переглянулись, и я ушел в другое купе. С Шапоринским вчера первый раз встретился в клубе; он поздоровался и, сказав, что его ждут, пошел к Курх. За это время я его вызывал несколько раз, но от его бесед веяло каким-то льдом, и он ни разу меня не вызывал! Причину, полагаю, надо искать в моем «племяннике», который как сирота, которому негде приклонить голову (твое выражение), вероятно, приналег на него (обедает у него) и при всяком случае забрасывает меня грязью. Он (Шапор) очень весело проводит время и бывает, как говорит, часто в гостях, «где учится винтить».

Лемперг выписался из больницы и поправляется. Я ему предлагал поехать поправляться к своим на 1 месяц. Он отказался, говоря, что думает пользоваться отпуском в августе, чтобы, кстати, заехать к своим в Киев. Идельсон встретил меня в клубе словами: «От Ваших поклон», – и на мой вопрос: «Разве Вы были там?» – сказал, что ему пишет жена, что видятся часто. Я сказал, что об этом пишет и моя жена. Мы с ним условились поехать вместе в середине июля, если не случится что-либо экстраординарное. А пока должен, к сожалению, жариться здесь.

Кланяйся Наде Чернявской и г-же Идельсон.

Целую тебя и наших дорогих деток крепко, крепко и остаюсь

Твой Илюша.

Почему ты мало гуляешь? Напрасно! Еще раз прошу поцеловать в глазки, в носик, в щечки мою Цециличку за папочку.

Пинхас и Лиза вам кланяются, также моя старуха Павлов-

на, особенно она кланяется барышням. Еличка все болел, теперь лучше. Завтра они с Лизой поедут в Хасавюрт.

Грозный, 12 мая 1904 г.

Дорогая моя, милая женушка,
Манюшечка!

Я удивляюсь, что ты до сих пор ничего не пишешь об экзаменах Ленички и Данильчика, т. е. когда они кончатся, и вы начнете готовиться к отъезду. Дети во многих учебных заведениях, окончив экзамены, собираются уже по домам. Неужели же там, особенно в Баку, как приготоновишки будут томить до конца мая? Узнай и напиши мне! Как занятия Ленечки и надеется ли он перейти? Как Гуляночка, моя золотая, как дочурочка моя Циличка? Соскучился я страшно по вас, мои дорогие.

Ты у меня молодчина, дорогая мамочка, что тебе никого не надо для укладывания вещей, но ты укладывайся, как следует, не спеша и, по мере укладывания вещей, отправляй их сюда, чтобы все вещи пришли раза за три – и тебе будет легче отправлять, и мне сюда их принимать. Таким образом, ты можешь по-моему начинать укладываться потихонечку, отправишь одну партию, отдохнешь дня 2-3, потом опять и т. д. Жду с нетерпением мебели для теперешней моей квартиры. Не дождавшись, все-таки кое-что пришлось купить, чтобы не жить в пустых комнатах. Относительно квартиры мы обсудим с тобой, когда приедешь сюда, а пока я занял для квартиры и конторы себе маленькую квартиру из 3-х комнат.

Спасибо тебе, мамочка, за поздравление с новосельем, за то, что ты меня надоумила это сделать – я так рад, что наконец избавился от этой вечной опеки и кабалы!... Но Илья Яковлевич, оказывается, в жизни прямо невозмож-

ный человек, страшный эгоист и недалеко ушел даже от общего типа «кулака», если вкусить его как следует... Мы с ним до сих пор не кончили своего условия, а в буровой уже пробурили 42 саж... На днях, как только приведем в порядок промысловую отчетность, я думаю, ему предложат ультиматум. За Пинхаса и Бориса достается от него мне очень часто – и это мне доставляет немало страданий... Первого называет он «беспамятным», второго «тупицей», на днях с ним по поводу них был крупный разговор.

По поводу гувернантки я написал во Владикавказ Дикову, правителю канцелярии начальника области, моему товарищу, с которым я на «ты», чтобы он оказал содействие ее не трогать – жду ответа, но я больше чем уверен, что это устроим. Ты можешь написать ей, что мы ее возьмем и пришлем деньги, как только приедете в Грозный.

Реальное училище предполагается открыть в Грозном в этом году в сентябре, если будет сто мальчиков с платой от 60 до 100 руб. Теперь по рукам ходит подписка и кажется, что соберут. Вот было бы хорошо. Я уже записал Леничку и Даничку. Предполагается открыть 2 первых класса с приготовительными классами. При сем посылаю тебе чек на 200 рублей, на сборы и прочее я тебе пришлю отдельно. Будь здорова.

Целую тебя и моих дорогих деток крепко, крепко. Также целую папашу и всех наших дорогих, которым шлю мой душевный привет. Здоров ли Володя, почему мне ничего не пишет?

Твой Илюша.

Баку, 21 апреля 1904 г.

Дорогой мой Илюша!

Твое заказное письмо от 17-го апреля меня чрезвычайно обрадовало. 18 числа рано утром проснулись детки радостные и счастливые, что настал день рождения Ленечки. Я встала, оделась, привела все в порядок и стала ждать гостей, которых я хотя и не приглашала, но все-таки знала, что они придут. Вдруг мне принесли письмо заказное, я повернула его в руках и подумала, – «Что мой Илюша преподносит мне сегодня», – распечатываю и вижу строки счастливые, нежные и радостные. Тут мои нервы не выдержали, и я разрыдалась как ребенок. Слава Богу, дорогой мой, что ты почувствовал твердую почву под ногами. Дай Бог тебе, мой дорогой, здоровья и много, много счастливых дней в твоей жизни; дай Бог тебе долголетия!! Да! День 18-го апреля был для меня радостный и счастливый.

При гостях я была уже в прекрасном настроении, и я чувствовала себя вполне счастливой! У нас были Зоммеровы (он, она, дочери), Вейншалы и Ландау (Лина, Яша, Ванюша, Рая, Фаина Яковлевна, Лев Лазоревич, папаша и Надя), Копиловичи (Симоша, Сеня, Яша, Люба и Елизавета Матвеевна), Зильберманы (3 сына) и позднее неожиданно пришли Мальцы (он и она). Мы обнесли гостей пирожками с мясом и бутербродами с сыром, потом у нас было все домашнее и чай с печеньями (песочки, ореховые, маковые). Затем были фрукты. Дети веселились, танцевали (играла Т. Галунская). Леня получил много подарков: от бабушки шашки, от тети Нади – аквариум, от Зоммеровых книгу, атлас, от Илюши – зоологический атлас, от Яши – лупу и книгу и т. д. Я ему купила накануне костюм, щиблеты, шапку с гербом и козырьком. Он был прямо счастлив от всего нового.

Целую, Маша.

Биби Эйбат,
25 июня 1912 г.

Дорогой мой Данильчик!

Сегодня 10 дней, как ты уехал, а я имел от тебя только одну открытку. Обещание твое написать мне подробное письмо не исполнил. Не одобряю я твоего поведения! Я бы еще ничего, а мама, ты знаешь, так вообще она беспокоится о тебе: так ли покушал, так ли поспал, не болен ли и пр.; вот вопросы, которые она задает мне ежедневно по 10 раз, когда видимся. Сегодня она у меня (с детьми приехала вчера вечером, будут до воскресенья). Тщетно ждала она твоего письма. Саша передала по телефону, что почта была, письма нет. Из всего этого можешь заключить наше беспокойство. Нельзя быть свиньей, которую когда посадишь за стол, она и ноги на стол! Если тебе дали возможность быть или, скорее всего, учиться быть самостоятельным, то это вовсе не значит, чтобы ты забывал, как Леня, свои обязанности. Ты знаешь, мне такие вещи не нравятся. Долг свой писать в неделю по одному письму мне и маме – должен исполнять и никаких оправданий или оговорок не должно быть. Если ты болен и не пишешь, то это хуже, потому что мы должны знать во всякую минуту правду, что с тобой делается.

Как проводишь время, был ли в ауле, практикуешься ли по-татски, собираешься ли в Хасавюрт на могилу бабушки и вообще как и в чьем обществе днем и по вечерам ты проводишь время? Все это очень интересно. Пиши.

Р. С. Кланяемся дядям Моисею и Александру, и Пенхасу, тетям – Зульфо, Гузум и Юднаг, братьям Нафтоли, Абраму, Иосифу и Рафаилу, сестрицам мамы, Тамары и Анички и пр. пр. Целую всех крепко.

Папа.

*Бибби Эйбат,
2 августа 1912 г.*

Мой дорогой мальчик, Даничка!

С тех пор как я написал тебе свое первое письмо, в котором выражал наше беспокойство по поводу твоего «кажущегося» молчания, я получил одну открытку... Таким образом, ты совершенно поправился. Я бы еще ничего, но знаешь, какая у нас мамочка «трусиха», тем более в первый раз отпустила от себя своего мальчика. Я очень рад, мой дорогой Даничка, что тебе все нравятся среди горцев, родичей твоего папочки; рад тому, что кроме того, что ты можешь окрепнуть на лоне чистой природы «физически», принимая во внимание благоприятный для развития молодого организма климат города Махачкалы, у тебя по крайней мере разовьется большой кругозор жизни. Ты привыкнешь к безыскусственной жизни людей, чтобы сравнить впоследствии с ней широкую, полную роскоши и блеска жизнь больших городов и найдешь хорошие и дурные стороны первой и второй; тебя не будет смущать незнание родных нравов и обычаев собратьев, язык твоего отца. Ты сможешь говорить когда-нибудь с ними на этом косвенно родном для тебя языке. Я рад, что ты с малых лет чувствуешь в себе эту духовную связь с народом твоего отца и инстинктивно стремишься к познанию его, к укреплению в себе этой связи. Да послужит тебе, мой милый мальчик, эта поездка радостным событием твоей жизни, светлой, памятной страницей ее во все дни твои до самой глубокой старости! Это послужит лучшею радостью и для твоего горячо любящего тебя папочки.

Но при всем этом, я надеюсь, мой мальчик, что ты, не разбрасываясь и не останавливаясь на мелочах, не употребляя своего времени отдыха в ущерб здоровью своему, во все, что тебе представится, вникнешь более глубоко и серьезно, извлекаешь для себя наиболее возможную поль-

зу. В изучении татского языка, главным образом, пока надо обратить внимание на простую детскую речь и не обременять себя теоретическими сторонами этой речи; по еврейскому языку надо читать и знать главные молитвы и писать на татском языке легонькие рассказы и простые письма. Это пока все, что я могу тебе посоветовать, а остальное при твоём желании и усердии совершенствоваться, явится все само собой впоследствии. Иначе говоря, на перевод Библии с древне-еврейского на татский не стоит теперь тратить времени, которого остается у тебя немного. Что же касается физического здоровья, то очень хотелось бы мне, чтобы ты побольше побегал бы там, ходил, купался, научился бы хоть немного плавать и поменьше напускал бы на себя вид солидного ученого, т. е. вел бы себя совершенно свободно, как подобает мальчику твоего возраста, а не следовал искусственным приемам взрослого человека! Сегодня Абрам был у меня (вчера в среду я был в городе с ним у наших, а оттуда все пошли в синематограф).

Относительно географических снимков аула Тарки, я желал бы иметь:

1. Общие или отдельные виды Тарки;
2. Фотографические снимки (в виде ли открытки или фотографии) Шамхалского дворца (вблизи города Темир Хан Шуры). Напиши Нафтоли, чтобы он написал бы дяде Борису или кому-нибудь другому в Шуру (там, говорят, имеются у фотографа);
3. Вид горско-еврейской части аула Тарки (общий вид с синагогой);
4. Фотографию нашего дома, где я родился и вырос в Тарках;
5. Внутренний вид кунацкой комнаты, убранной чисто по-горски в ауле или в городе Петровске, все-равно;
6. Интересные фотографические карточки горских евреев и евреек у дяди и у других родственников и знакомых.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Генеалогическое дерево» человека – аналогия живого дерева. Его корни уходят глубоко в историю, а молодые ответвления устремляются в будущее. С течением времени оно так разрастается, что историографам все труднее и труднее разбираться в его родовых связях. Собирая по крупицам еще неведомые нам сведения о своих предках, приходишь к мысли о том, что нашим потомкам немало придется потрудиться, если мы не оставим им сведения о всех известных нам ныне прямых потомках ученого.

Ниже мы приводим краткие сведения обо всех прямых потомках И. Ш. Анисимова, в том числе и по материнской линии.

Михаил Георгиевич Шпанин, внук ученого, сын Цецилии. Родился в 1923 году в Баку. До войны учился в художественном училище имени Азима Азим-заде. После войны в Азербайджанском университете им. С. М. Кирова на историческом факультете и в Политехническом институте на факультете промышленного и гражданского строительства. Работал преподавателем в школе, в проектно-институте, а затем во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики на должности начальника сектора рабочих мест (Аз. ВНИИТЭ) в течении двадцати лет. Автор книги «НОТ и Техническая эстетика в Азербайджане». Участник ВДНХ, имеет ряд авторских свидетельств. Участник Великой Отечественной войны, лейтенант, командир огневого взвода, награжден орденами и медалями СССР и Израиля. Репатриировался с семьей в Израиль в 1997 году. Автор ряда статей в местной печати. Подготовил к изданию книги: «Перечитывая страницы нашей истории» и «Записки несостоявшегося художника». Жена – Нонна Давидовна Кульгавина. Врач-терапевт. Двое сыновей: Владимир и Леонид.

Владимир Михайлович Шпанин, правнук ученого, 1962

года рождения. Окончил Азербайджанский Нефте-Химический Институт (Азнефтехим) по специальности «Электропривод и автоматизация промышленных установок».

Работал в НПО АзерЭлектроТерм. Автор изобретения «Установка для химико-технической обработки изделий» (Авт.св. № 1476381). Некоторое время работал в Израиле, женат на Милане Юрьевне Лалаян. Имеет двоих детей: Станислава (от первого брака) и Георгия. В настоящее время живет в Канаде.

Станислав Владимирович Шпанин, праправнук ученого, родился в Баку в 1990 г., в семье Владимира Шпанина и его жены по первому браку Милены Шамраковой. Победитель международного детского конкурса «Мальчики и девочки мира», проводившегося под эгидой Министерства Культуры Японии и Азербайджана. Работа юного художника включена в буклет и международный каталог. Первое место на Московском конкурсе, посвященном 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Победитель международного конкурса под эгидой TESIS. Работа помещена на календарь 2000 года. Персональные выставки в Италии, Азербайджане, Израиле. В 2002 году включен в Книгу Рекордов Гиннеса как самый молодой в мире профессиональный художник. Победитель конкурса «River of Words» в штате Калифорния. Персональная выставка в «Галерее 44» в городе Эллиот-Сити США в 2003 году. В настоящее время живет в США и учится в Университете Искусств.

Леонид Михайлович Шпанин, правнук И. Ш. Анисимова, родился в 1968 году в семье М. Г. Шпанина и Н. Д. Кульгавиной. В 1992 году закончил Азербайджанский Технический Университет (радиотехнический факультет).

Работал начальником космической связи в телевизионном центре Баку. В 1994 году репатриировался в Израиль. Работал в различных компаниях в области радиоэлектроники. В 2002 году зачислен в аспирантуру Ливерпульского университета по электронике и электрике. В 2006 году

получил степень доктора наук. С 2007 года работает в Бирмингемском Университете на кафедре электроники. Автор ряда публикаций в области физики и электрики. Участвовал в международных конференциях по физике плазмы и электрике в Англии и Германии. С 2008 года член Общества ядерных наук физики плазмы в США. Женат на Хане Барановской, имеет дочерей Мирьям и Сару.

Мария Даниловна Федосеева (урожденная Анисимова), внучка ученого, родилась в 1925 году в Москве в семье Даниила Анисимова и Александры Загурской. Во время войны подростком работала на военном заводе имени Войновича. Закончила экономический техникум. Некоторое время работала в воинской части в Германии, а затем в течении тридцати лет в Москве экономистом-нормировщиком в Управлении швейной промышленности.

Умерла в 1981 году.

Александр Данилович Анисимов, внук ученого, родился в 1929 году в Москве в семье Даниила Анисимова и Александры Загурской. Учился в Институте на факультете тонко-химической технологии. Умер в 1941 году.

Тамара Даниловна Анисимова, внучка ученого, родилась в Москве в семье Даниила Анисимова и Александры Загурской. В 1960 году получила диплом Высшего Художественно-промышленного (бывшего Строгановского) училища на факультете монументальной живописи. В 1973 году получила диплом МОСХа за монументальные работы: интарсию «Юность» и рельеф из кирпича «Рабочий класс» для Дворца культуры завода автоприцепов в городе Ишиме. С 1960 года являлась членом Союза художников СССР. Своеобразный, талантливый мастер, пробовавший свои силы в различных видах изобразительного искусства: живописи, графике, скульптуре, декоративно-прикладном и монументально-декоративном искусстве. В 1973 году – первая персональная выставка в Москве. С 1974 по 1975 годы работает в Алжире, где участвует в Общенациональной Алжирской выставке. Была замужем за художником

В.И. Постоенко, воспитывала приемную дочь. Умерла в 1988 году.

Анисимов Гирей Данилович, внук ученого, родился в Москве в 1931 году.

Окончил с отличием Московский Университет им. М. В. Ломоносова и аспирантуру Московского Инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе, кандидат экономических наук. Заведовал сектором научно-технического прогресса Института Экономики Академии Наук СССР, был крупным ученым-экономистом, автором монографий, исследований, статей (более 100), опубликованных в центральной печати. Являлся одним из организаторов международного симпозиума по проблемам научно-технического прогресса. Был одним из главных разработчиков ряда Правительственных документов и Постановлений в области материального стимулирования научно-технического прогресса. Был женат на Яне Дубейковской, имел сына Александра. Умер в 1969 году.

Анисимова Маргарита Даниловна, внучка ученого, родилась в Москве в 1938 году в семье Даниила Анисимова и Александры Загурской. Окончила экономический факультет Московского Института Народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и аспирантуру Института Экономики Академии Наук СССР, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Автор мемуаров, написанных на основе архивных документов, семейных реликвий, собрания произведений изобразительного искусства, которые переданы ею в дар Музею-архиву Московского Архивного объединения и в Государственный Музей-квартиру композитора Т. Н. Хренникова в городе Ельце. В 2002 году ряд материалов из личной коллекции М. Д. Анисимовой экспонировались в Москве в Государственном выставочном зале «Беляево» на выставке «Человек - архив - история», организованной Московским городским объединением архивов.

С 2001 по 2006 года являлась административным руководителем русской группы международного юношеского

фестиваля скрипичной музыки «Моцартина», проводившегося в Италии. В 2002 году организовала в выставочных залах Московского Союза Художников посмертную персональную выставку своей сестры, члена МОСХ, Анисимовой Тамары. Вдова известного российского художника А. Писарева. Имеет дочь Анну, внучку и внука.

Писарева Анна Алексеевна родилась в Москве в 1973 году в семье Маргариты Анисимовой и Алексея Писарева. Правнучка ученого, художник, руководитель художественной студии в Италии. Участник художественных выставок в России, ее работы находятся в частных коллекциях России и Италии.

Замужем за Пьеро Анджелотти, имеет дочь Алесандру и сына Антонио. В 2005 и 2006 годах получили премии на конкурсах в Италии.

Анисимов Александр Гиреевич, правнук ученого. Родился в Москве в семье Гирея и Валентины Смаховой. Окончил исторический факультет Московского Пединститута, а затем Дипломатическую Академию МИД России. Работал редактором издательства «Международные отношения» экспертом Департамента международного сотрудничества Аппарата Правительства Российской Федерации, заместителем руководителя Центра стратегических разработок «Северо-запад» (ЦСР «Северо-запад») по международной тематике, членом координационного комитета Российско-Черноморского Форума «Петербургский диалог», советником М.С. Горбачева.

С 2003 г. – заместитель директора Департамента по связям с государственными и общественными организациями. Ведет научно-педагогическую деятельность, работая профессором Московского Государственного Института Международных Отношений на кафедре «Мировая политика». Читает курс для магистратуры «Стратегия внешнеполитического планирования». Автор более сорока публикаций. Кандидат исторических наук по специальности «История Международных отношений». Женат. Имеет дочь Веру.

Из перечисленных выше прямых потомков И. Ш. Анисимова на историческую Родину приехала только семья Шпаниных. Говоря об этом, невольно вспоминаю, о чем писал в свое время мой дед В. Ф. Миллеру, предприняв безуспешные попытки устроиться на работу на своей родине – Дагестане. Родина его встретила недружелюбно, он не смог устроиться на работу и вынужден был искать ее в Баку. В какой-то степени с такими трудностями в Израиле встретились его молодые потомки, мои сыновья Владимир и Леонид. Нет, они нашли работу довольно быстро, но это были не инженерные должности. Впрочем, это было закономерно, они не знали языка. Но время шло, они стали говорить на иврите довольно неплохо. Естественно, что дипломированные инженеры рассчитывали получить соответствующие должности. Но этого не произошло, и они стали искать работу за рубежом. Довольно обычная история в наши дни. Однако мне хотелось бы остановиться более подробно на судьбе моего сына Леонида, так как этот пример позволит читателю более объективно оценить ситуацию. Леонид, будучи еще в Баку, мечтал заняться наукой. Ему в Израиле удалось установить контакты с Ливерпульским Университетом и вскоре стать очным аспирантом его кафедры. В течении трех лет Леонид находился в Англии. Тематика, которую он разрабатывал, оказалась перспективной, отличаясь известной новизной, о чем свидетельствует активное участие в этой работе его руководителей, маститых профессоров Ливерпульского университета. Публикации в печати, участие в международных конференциях повысили интерес к этим разработкам в ряде стран Европы. Защитив успешно степень доктора наук, молодой ученый приехал обратно в Израиль, намереваясь впервые в нашей стране заняться разработкой этой тематики. Его предложением заинтересовались специалисты местного Тель-Авивского Университета. Однако на первых порах ему предложили поработать на кафедре университета безвозмездно, налаживая необходимое

оборудование лаборатории. Леонид согласился с предложением и под его руководством на кафедре началась подготовительная работа, но которая через несколько месяцев была прекращена. Обещание кафедры зачислить молодого специалиста на работу так и осталось обещанием. В такой ситуации Леониду пришлось искать работу в Англии, где ему через некоторое время предложили работу на кафедре Бирмингемского Университета, где он и работает в настоящее время. На мой взгляд в этой истории налицо пресловутая «утечка мозгов», которая в настоящее время получила большое распространение в Израиле. Израиль по официальным данным на 2007 год занимал малопrestiжное второе место после Ирландии по «утечке мозгов», опережая по этому показателю Европейские страны в 10 раз в расчете на душу населения.

Весьма любопытно, что эти данные на Сдеротской конференции по социальным вопросам, проводившейся в ноябре 2007 года, приводил никто иной, как профессор Цви Галиль, президент того самого Тель-Авивского Университета. Нельзя не согласиться с уважаемым профессором, когда он сказал, что «...странам, откуда происходит утечка специалистов, наносится значительный экономический, культурный и политический ущерб. И, наоборот, принимающие специалистов государства, приобретают интеллектуальный капитал...» Вышеприведенное явление мы можем проиллюстрировать на примере из другой области. Продолжая публикацию статей, касающихся своих родословных связей, автор настоящих строк впервые выдвинул версию о том, что в «Генеалогическом древе» рода Анисимовых следует назвать имя известной израильской поэтессы Рахели. Она появилась там, когда мой отец, племянник поэтессы, женился на моей матери, дочери ученого. Я предложил редакции местной газеты «Окна» материал о совершенно неизвестном периоде жизни и деятельности поэтессы на Кавказе в 1916 году. К сожалению, редакция этого издания не сочла нужным опубликовать его.

В результате чего эти уникальные сведения были впервые опубликованы не в Израиле, а в далеком от него Баку. И только спустя определенное время эти сведения появились на страницах другого местного периодического издания – еженедельника «Секрет».

Завершая работу над книгой в 87-летнем возрасте, я прежде всего хочу выразить мою признательность своему семейному врачу, главному врачу поликлиники «Клалит» города Пардес-Хана, который, вопреки настояниям хирургов, не посчитал нужным делать мне операцию и оказался прав.

Я никогда не жаловался на почки. Однако, дотошные исследователи Израиля все же нашли у меня небольшое «затемнение» в правой почке, и тут же последовало предложение уролога дать согласие на ее удаление. Мягко говоря, меня очень озадачило это неожиданное предложение. Вскоре я переехал в другой город, и у меня появился новый семейный врач, который решил не спешить. С тех пор прошло уже 10 лет, и я считаю, что эти годы жизни «подарил» мне этот врач.

Справедливости ради, нам следует назвать фамилию этого врача, которая звучит символически – Копельман («Человек с головой»).

Давид Лейбович Копельман в 1968 году с отличием окончил Астраханский Медицинский Институт. В 1980 году репатриировался в Израиль. В течении десяти лет работал семейным врачом в Гиват-Ольге и, по совместительству, в больнице Хадеры. В 1990 году перевелся семейным врачом в поликлинику «Клалит» Пардес-Ханы, где с 1992 года работает заведующим этой поликлиникой.

В своей «Молитва врача к Всевышнему» Рамбам пишет, что только правда должна быть лучом, освещающим путь каждого врача, и малейшее расслабление в его работе может привести к непоправимым результатам. Многочисленные отзывы коллег и пациентов Давида Лейбовича Копельмана дают нам право сказать, что он руководствуется вышесказанным, и что это Врач с Большой буквы!

Выражаю благодарность всем, кто в той или иной степени, оказал мне поддержку в работе над книгой: профессору Михаилу Занду, профессору Михаилу Агарунову, а также историкам Ицхаку Давиду и Юрию Мурзаханову, чьи работы послужили мне базовым материалом.

Благодарю своих родственников: Маргариту Анисимову, Инну Анисимову, Кармелию Анисимову, а также моих коллег: Фриду Юсуфову, Михаила Елизарова, Романа Бадалова, Анатолия Бенъяминова и Хану Мишиеву.

Особую благодарность выражаю Ирине Абрамович, согласившейся выполнить значительный объем технической работы.

Родственники ученого надеются, что публикация настоящей книги послужит началом мероприятий к приближающемуся знаменательному событию – 150-летию со дня рождения выдающегося ученого.

Иллюстрации

1. «Крамольная» обложка ученической тетради.

ספר

תולדות יהודי דאקיסטאן המדא'ים

הנמצאים בהררי קאווקאז עד הנה.

על ידי המאספים והמעתיקים

הרב הראשי יעקב במ"ו יצחק מדרבנר
וע"י גיסו הד"ר שרבת בר"ן נ"ע מתרכו
בירושלם ת"ו.

פניהם ירושלם תוכבי"א

שנת תרנ"ד לפ"ק

בדפוס הרי"ד פרוסקין סול החבצלת

2. Титульный лист брошюры «Древности горских евреев»
Еврейский Университет. Израиль.

[Handwritten notes and signatures are present above and below the typed text.]

БАВБАЗСКІЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

И. Ш. Анисимова

(Посвящается Профессору Всеволоду Федоровичу Миллеру)

ВВЕДЕНІЕ.

Среди многочисленных народностей Кавказа, привлекавших к себе внимание исследователей-этнографов, сохранилось одно немногочисленное племя, о быте которого до сих пор известно очень немного. Это — горцы-евреи или, как их называют, «Горские Евреи». Никто из наших исследователей Кавказа специально не занимался изучением этого народа, и лишь немногие путешественники говорили о нем мимоходом при описании других племен Кавказа. По всей вероятности, это объясняется тем, что этот небольшой народок не пользовался ни историческою известностью, ни литературою, и по своей незначительности почти ничем не выделялся из других, окружающих его, племен, как одеждою, так и одеждою. Впрочем, в последние десять, двадцать лет появились в печати четыре произведения, посвященные еврейским горцам. Первое из них книга г. Немировича-Данченко «Восставший Израиль». Она действует больше на воображение читателя своими фантастическими, художественными картинками, чем на ум. Изображения

4. Друзья и родственники ученого: Владимир Савельевич Вейншал и Каролина Львовна Вейншал (урожденная Ландау).

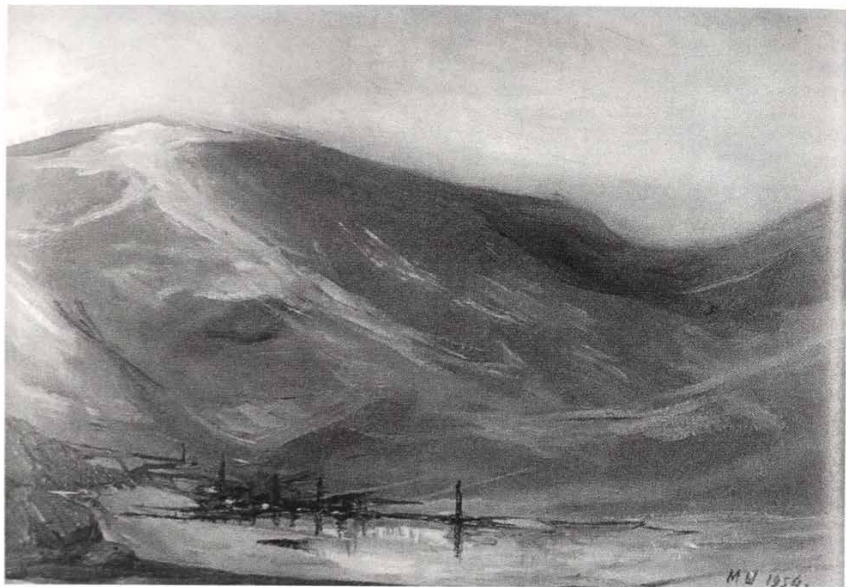

5. Пациент доктора Вейншала – Иосиф Джугашвили (Сталин).

argue, and joined the other emigres in the famous "sealed train" which threaded its way from Switzerland through Germany and Sweden to finally cross into Russia. On April 16, 1917, the train reached the Finland Station in St. Petersburg, Lenin stepped out and delivered the historic speech that launched the Bolshevik revolution.

Abram didn't waste much time; he boarded another train which took him south back to the Caucasus. When he reached Baku he told the family about his adventures and the miracle of his inclusion in the "sealed train." But Vladimir wasn't surprised.

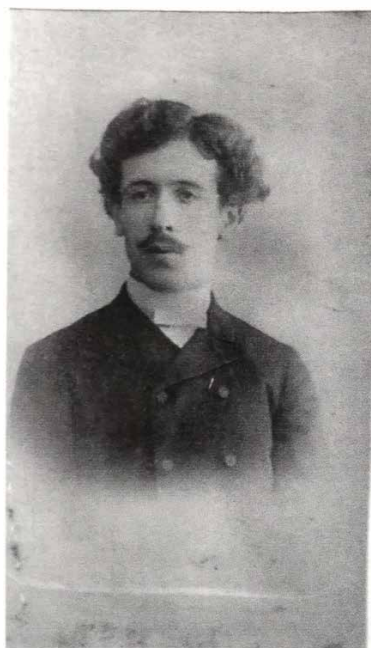
Several years before, Baku was in a state of undeclared war between government forces and communist agitators who incited oil workers to strikes and acts of violence. One night a group of armed men, carrying a wounded comrade, arrived at Vladimir's door and demanded that he treat him. Vladimir removed a bullet from the injured man's leg, bandaged him, and the group departed. It was only a few weeks later, when Joseph Dzhugashvili's picture appeared in the newspapers, that Vladimir found out whom he had treated - the man who will later change his name to Joseph Stalin. Since this event, the communists felt that they owed the Weinshalls a favor; they finally paid their debt by helping Abram return home to Baku.

7. Нефтяной промысел Биби Эйбат.
Этюд автора этих строк. 1954г. (Масло)

8. Фотография, сделанная лично И.И. Анисимовым.
«Выезд (фаэтон) доктора Вейншала с его детьми».

9. Давид Львович Ландау. 1889 г.

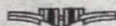
Д. Ландау.

*Дифференциалы
Волн
14/15/1913. от Ландау*

**СПОСОБЪ ТУШЕНІЯ
ГОРЯЩАГО
НЕФТЯНОГО ФОНТАНА.**

(Отдѣльные оттиски изъ «Вѣстника Общества Технологовъ»).

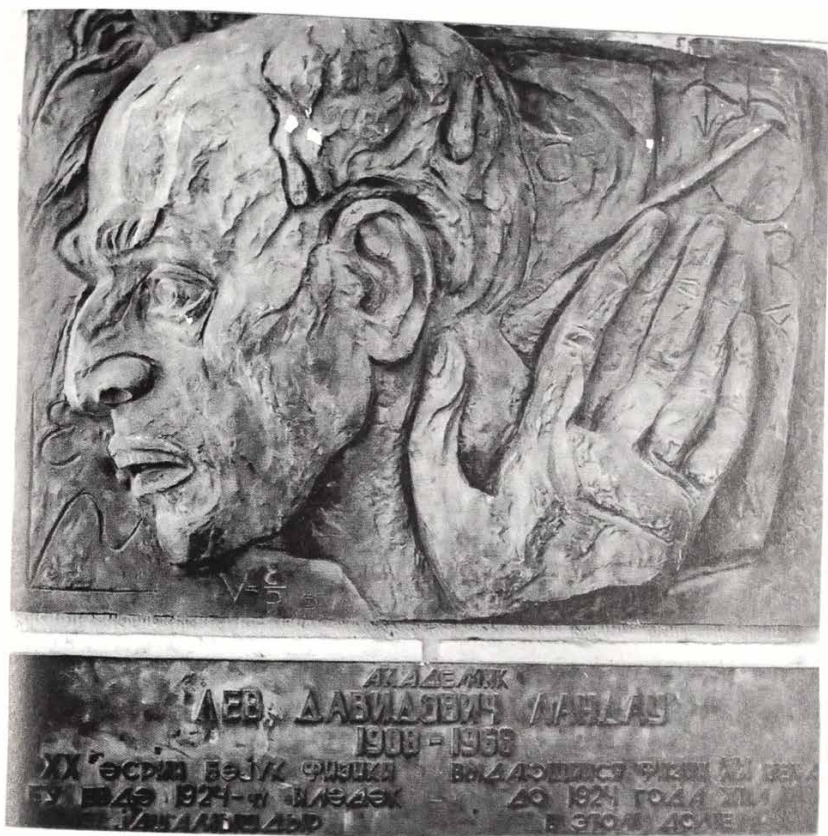

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія «Строитель», Фонтанка 66.
1913.

10. Заглавный лист статьи Ландау с автографом.

11. Дом в г. Баку, где до 1924 г. жила семья Ландау.

12. Мемориальная доска на доме, где жила семья Ландау.

Таким автору запомнился "дядя Лева" -
Лев Ландау

13. Лев Ландау. 1929 г.

ДИПЛОМЪ.

№ 3228.

Данъ сей отъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища
Плѣтъ Шербетъ оглаи Анисимову, 46 лѣтъ отъ роду, окончившему
въ 1891 году въ означенномъ Училищѣ полный курсъ науки по инженерно-
механическому отдѣленію съ званіемъ инженеръ-механика, въ
тогда, что ему, Анисимову, постановленіемъ Учебнаго Комитета, состо-
явшимся 3 апрѣля 1908 года, присвоены, на основаніи Высочайшаго
утвержденнаго въ 23 день декабря 1896 года мѣстна Государственнаго
Совета, права, предоставленныя окончившимъ курсъ въ Императорскомъ
Московскомъ Техническомъ Училищѣ по Положенію 6 іюня 1894 года
и изложенныя въ статьяхъ 14, 15 и 16 сего Положенія, въ отнѣсѣ
Высочайшаго утвержденнаго 6 іюня 1894 года мѣстна Государственнаго
Совета о преобразованіи того же Училища и въ Высочайшаго утвержде-
номъ 5 января 1904 года мѣстна Государственнаго Совета о томъ же
Училищѣ. Означенное постановленіе Учебнаго Комитета Императорскаго
Техническаго Училища утверждено за Министра Народнаго Просвѣщенія
Господиномъ Товарищемъ Министра предложеніемъ отъ 16 мая 1908 года
за № 2791. Данъ въ Москвѣ. Мая 28 дня 1908 года.

Директоръ Императорскаго
Московскаго Техническаго Училища

В. А. Гурьевъ

Помощникъ Директора

В. А. Гурьевъ

Секретарь Учебнаго Комитета

В. А. Гурьевъ

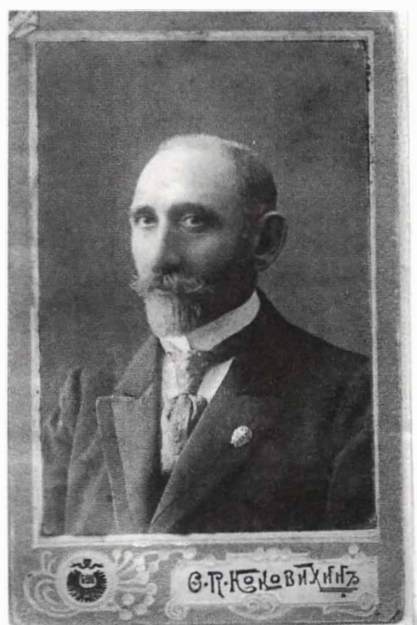

15. В.С. Вейншал в кругу семьи.

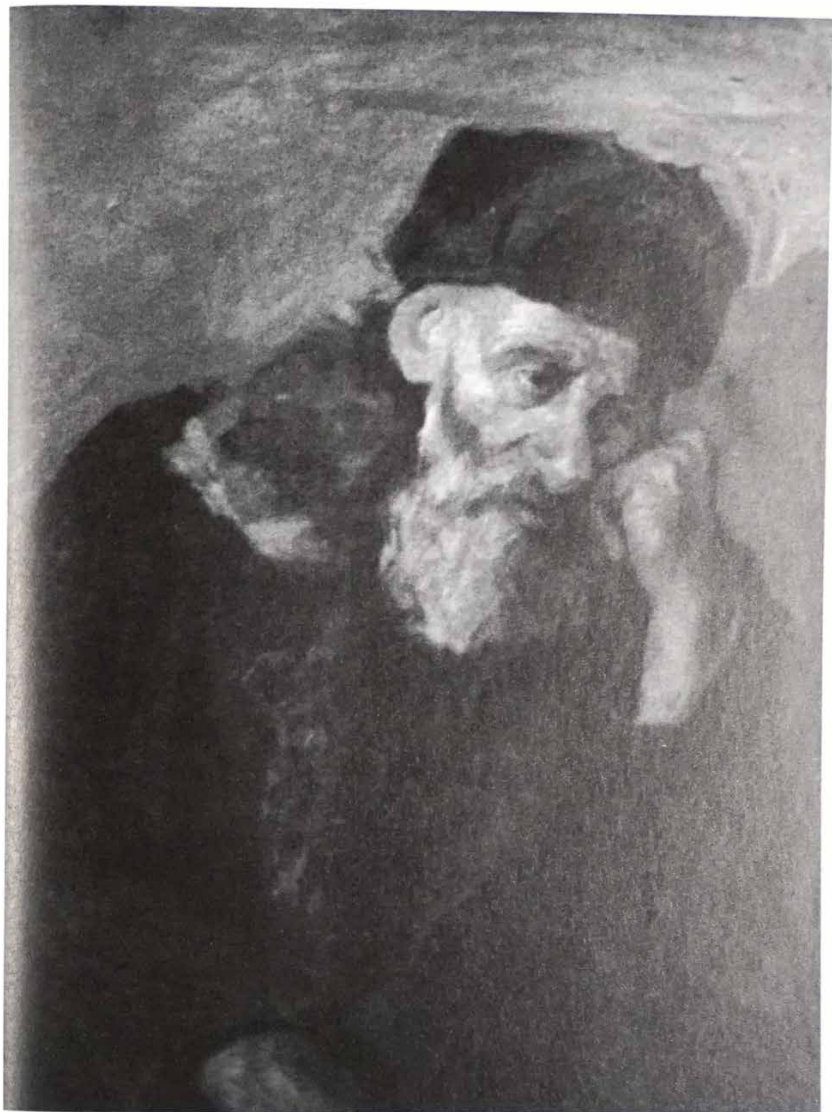
И.Ш. АНИСИМОВ
В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

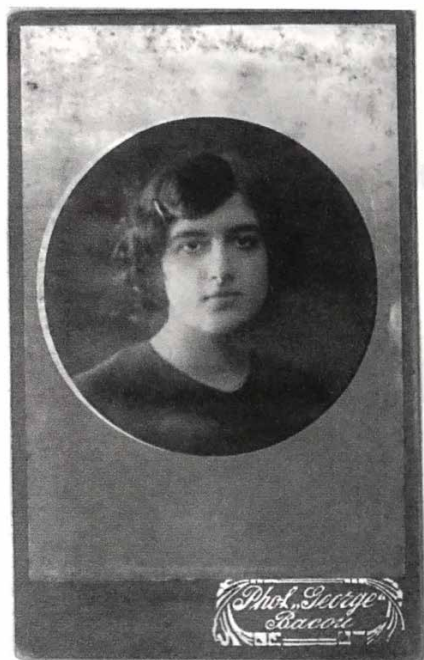
16. Обложка пьесы И.Ш. Анисимова.
Оформление и издание Ф.Б. Юсуфовой.

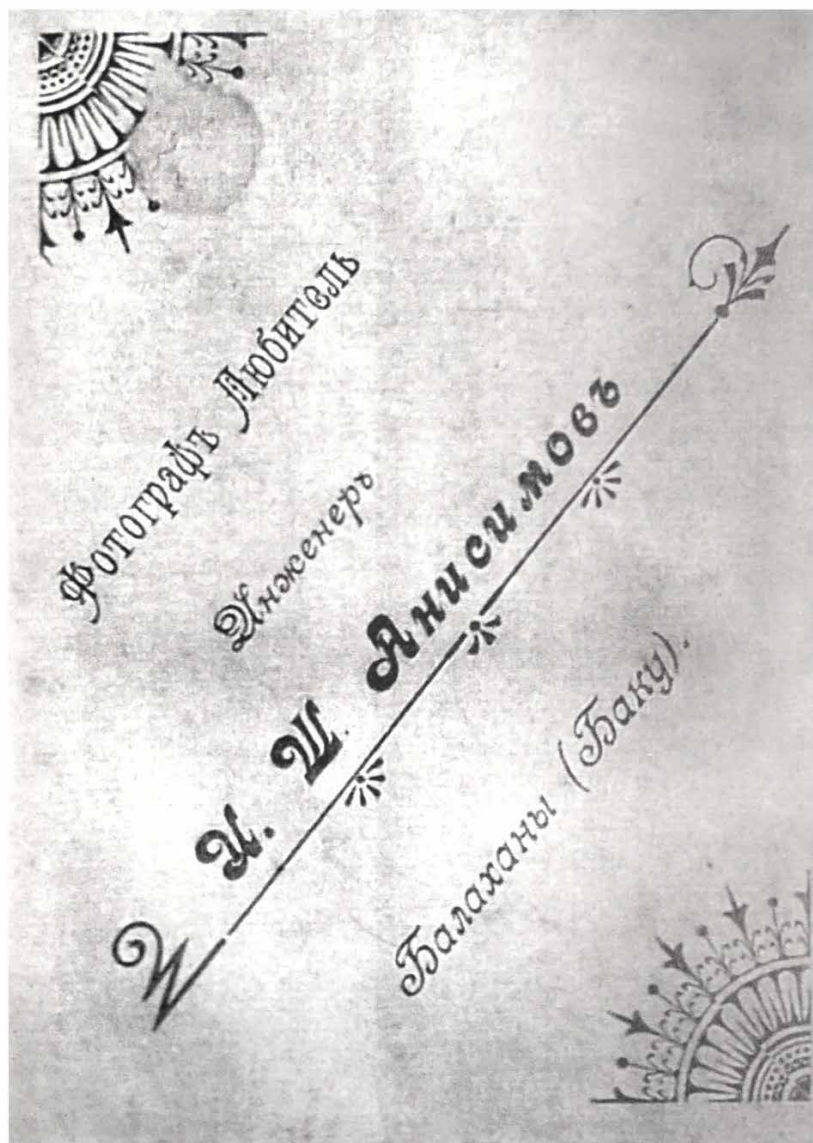
17. И.Ш. Анисимов. 1916 г.

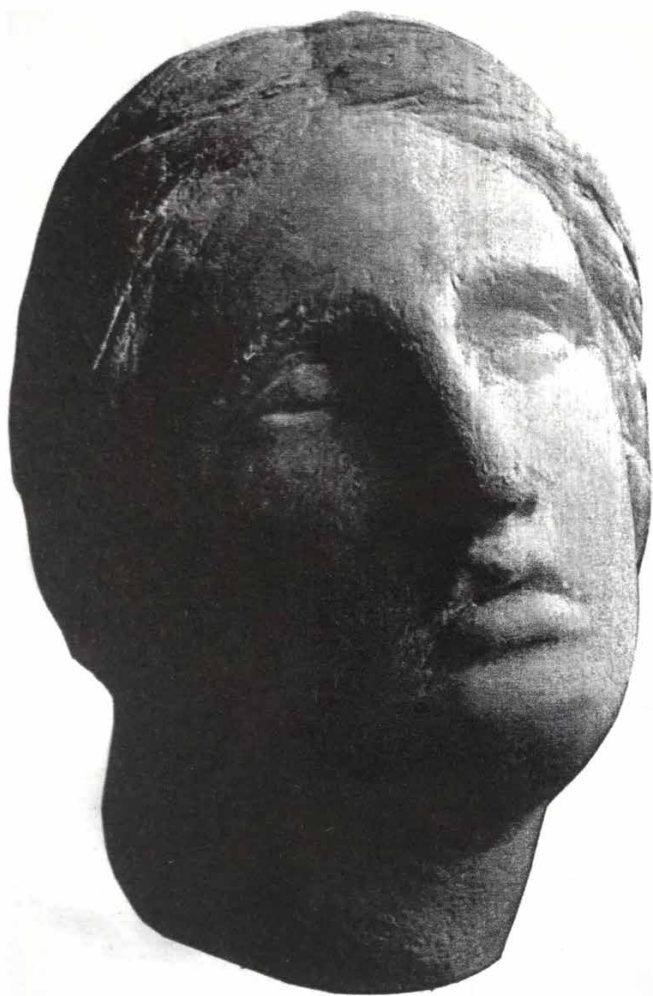
18. Портрет старшего сына ученого Леонида.
Работа Т.Д. Анисимовой (масло).

19. Старшая дочь ученого Гюль-Бике в юности.

20. Обратная сторона фотографии фотолюбителя
И.Ш. Анисимова.

21. Работа Цецилии Анисимовой (гипс).

II III Личная фото

22. Личная фотография ученого. Его дети (слева направо):
Цецилия, Даниил, Гюль-Бике.

23. И.И. Анисимов с младшей дочерью Цецилией.

24. Цецилия в национальной одежде.

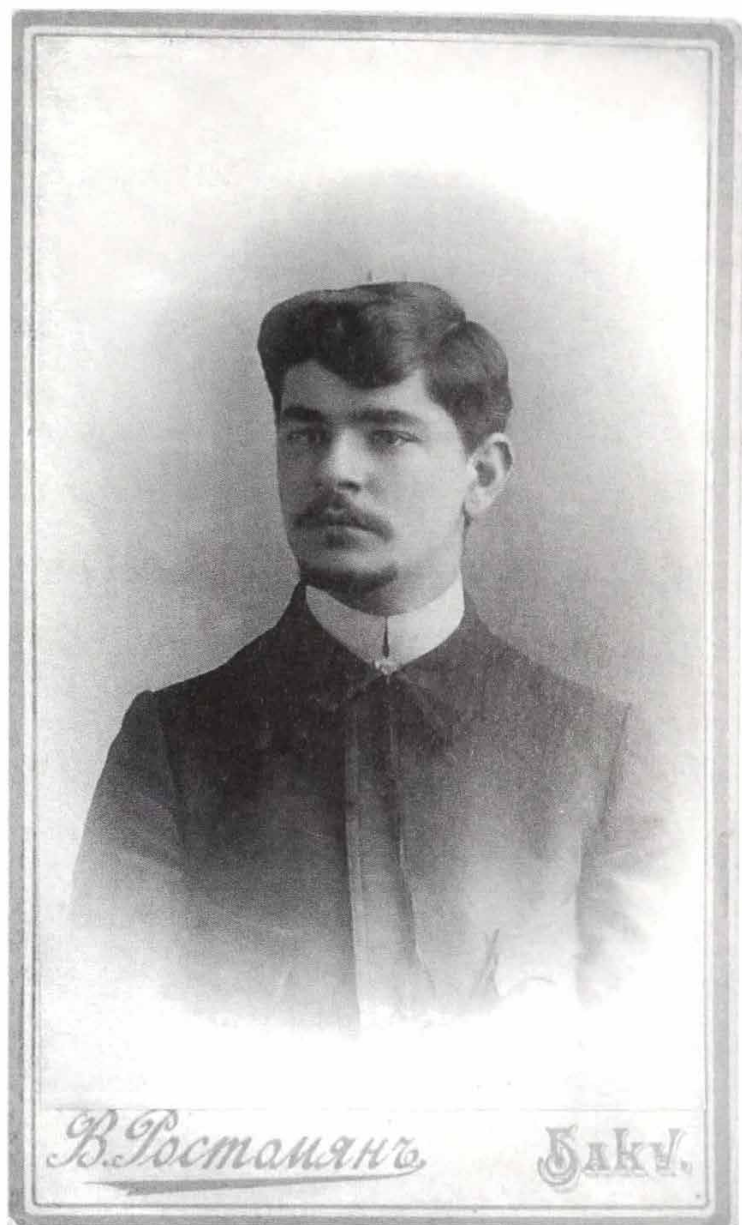
25. И.Ш. Анисимов.

26. И.Ш. Анисимов (из архива М.Д. Анисимовой).

27. Надежда Вейншал с учениками.

28. Зомбе – муж Надежды Вейншал.

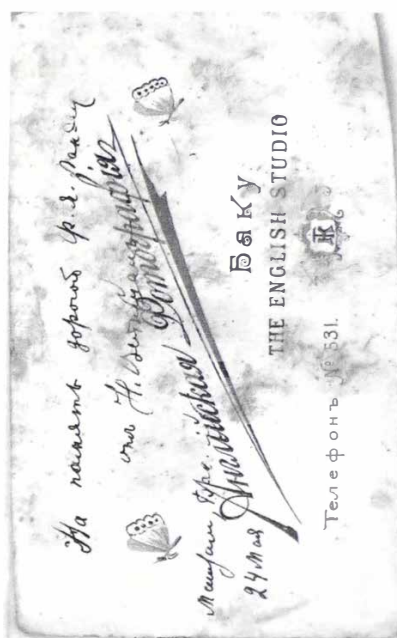
29. Надежда Савельевна Зомбе (Вейшнал).
Конец 20-х годов прошлого века.

30. Цецилия Анисимова. 20-е годы прошлого века.

31. Н.С. Зомбе и Цецилия. Начало 20-х годов.

32. Надежда Вейншал.

33. Жена ученого с дочерью Цецилией. 1901 г.

34. Дети ученого: Цецилия, Даниил, Леонид.

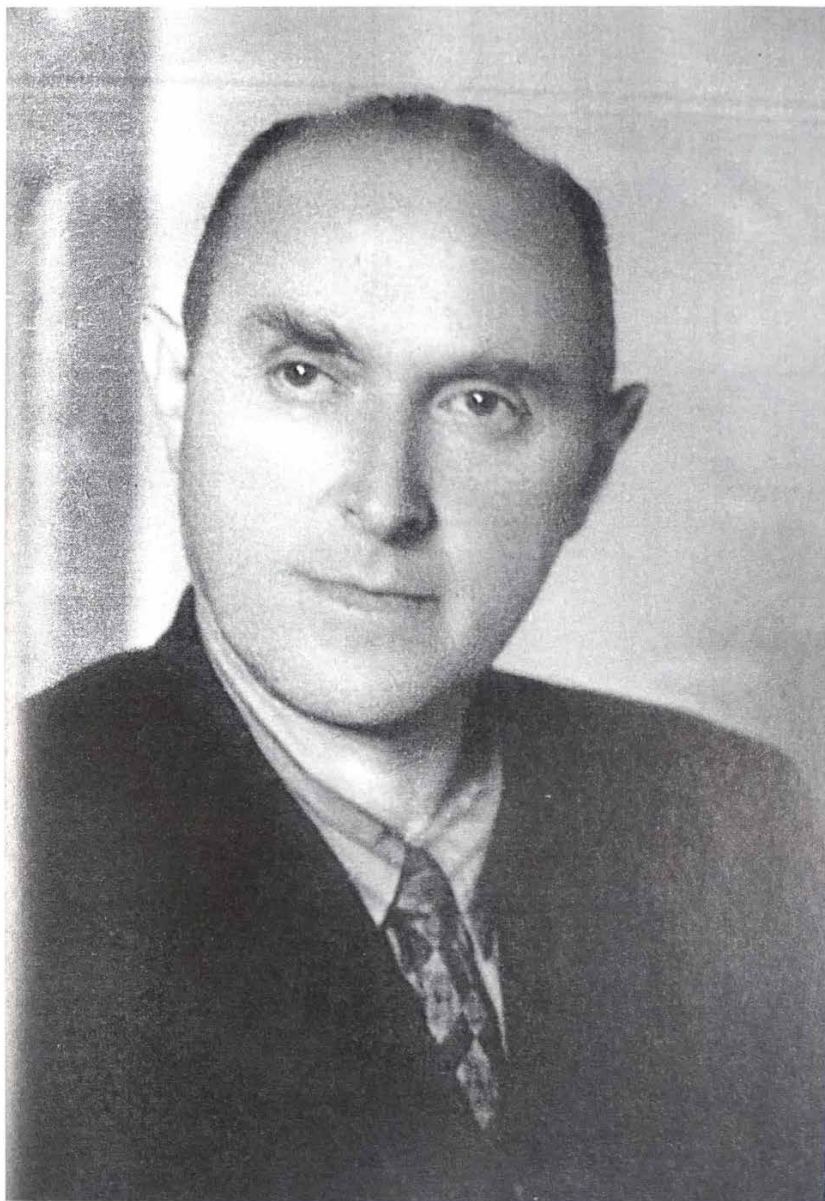
35. Гюль-Бике Щербатова. Середина 50-х годов.

36. Актриса немого кино Гюль-Бике. 1932г
(Из архива Анисимовых)

37 Гюль-Бике. 1933 г

38. Отец автора этих строк Шпанин Георгий Иосифович.

39. Младший сын ученого Даниил. 1950 г.

40. Цецилия. 1918 г.

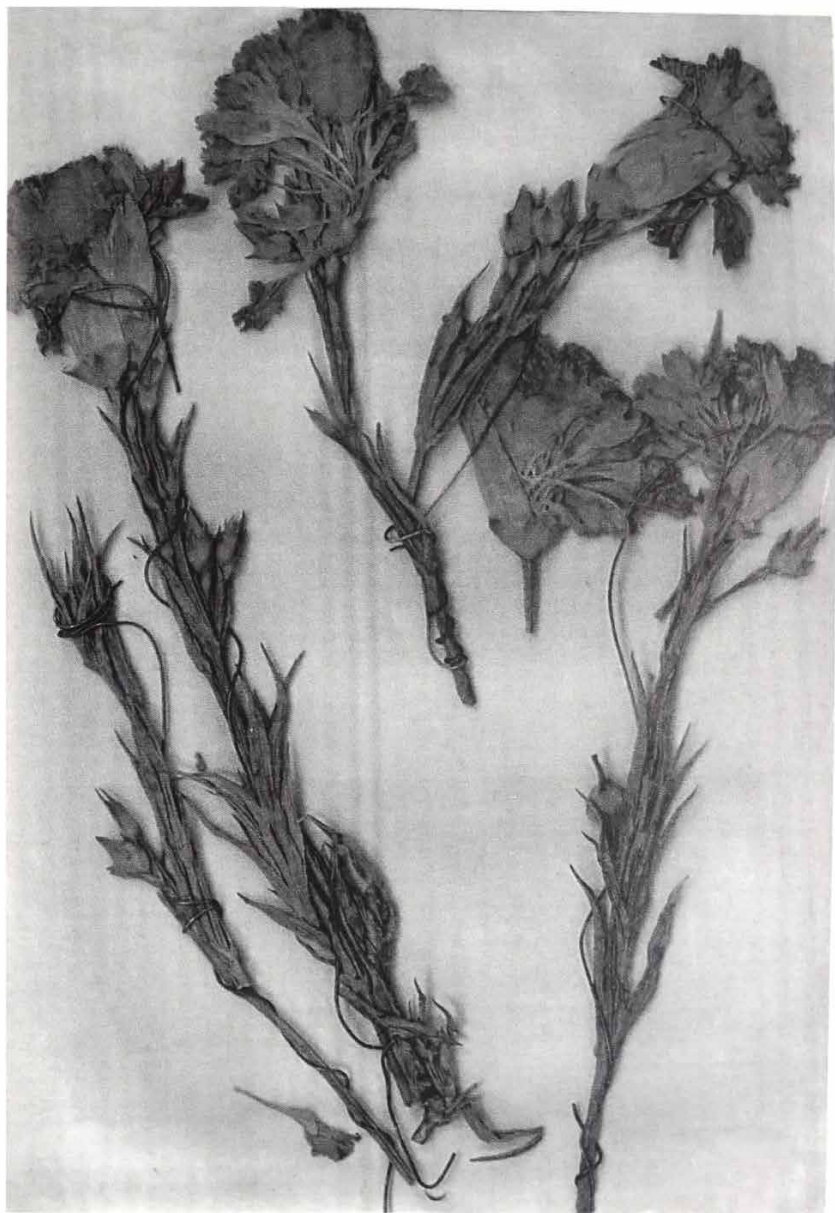
41. Дом в Баку, где в 1919 г. жила семья ученого.
(Из архива М.Я. Агарунова)

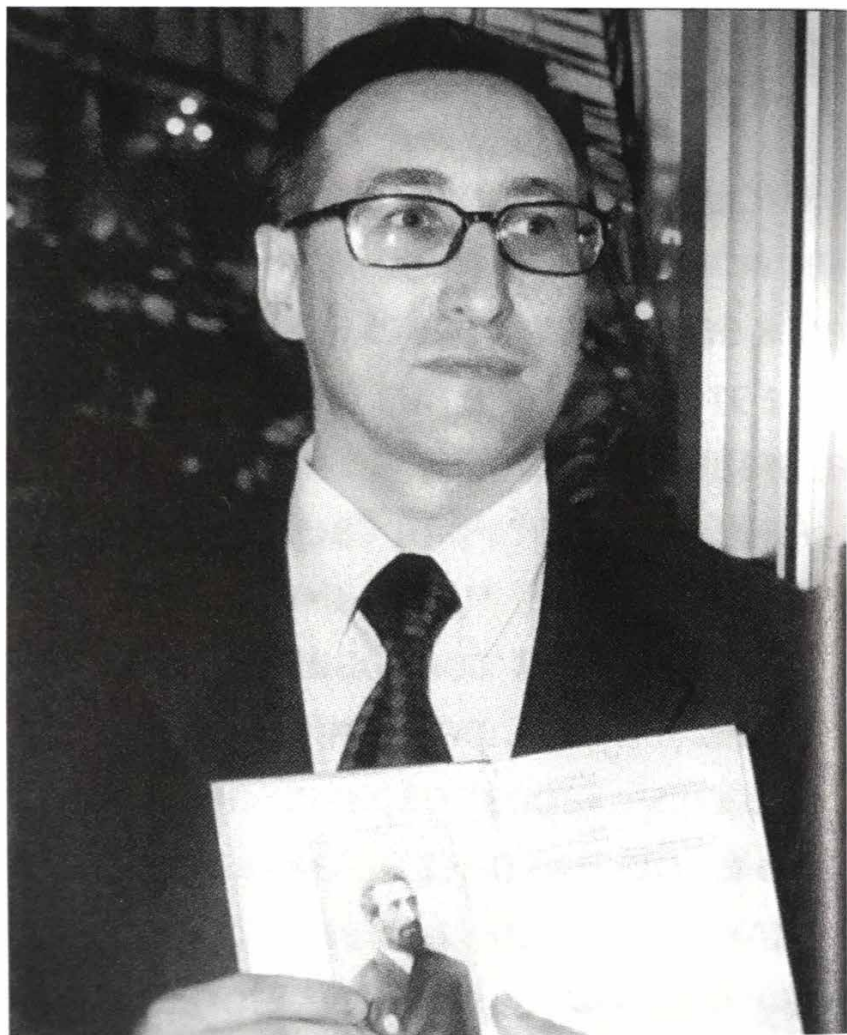
42. Абрам Анисимов с дочерью Инной.
Расстрелян и реабилитирован.

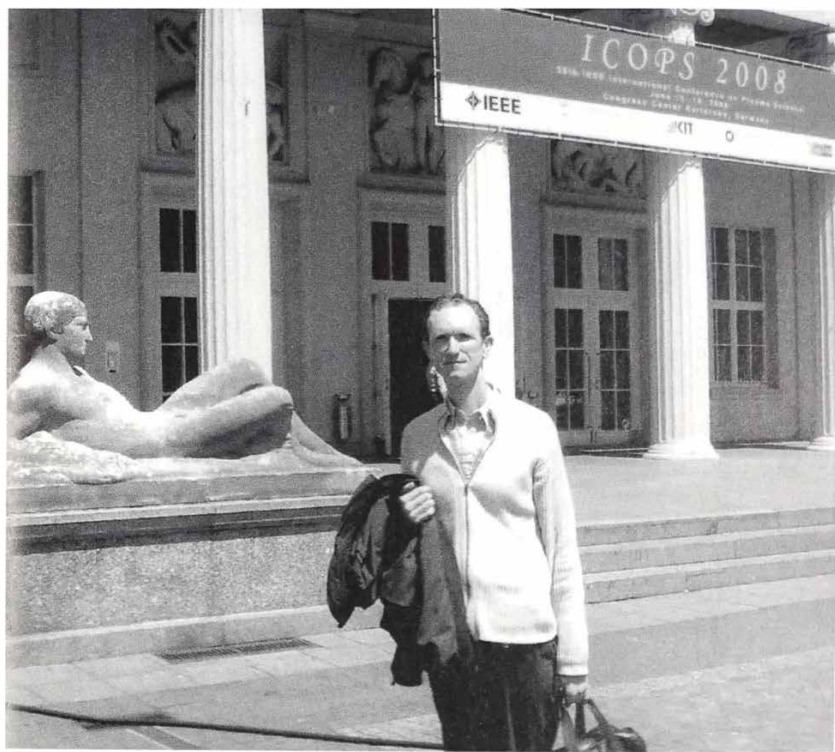
43. Дом в Баку, где состоялись похороны
дочери ученого Цецилии в 1927 г.

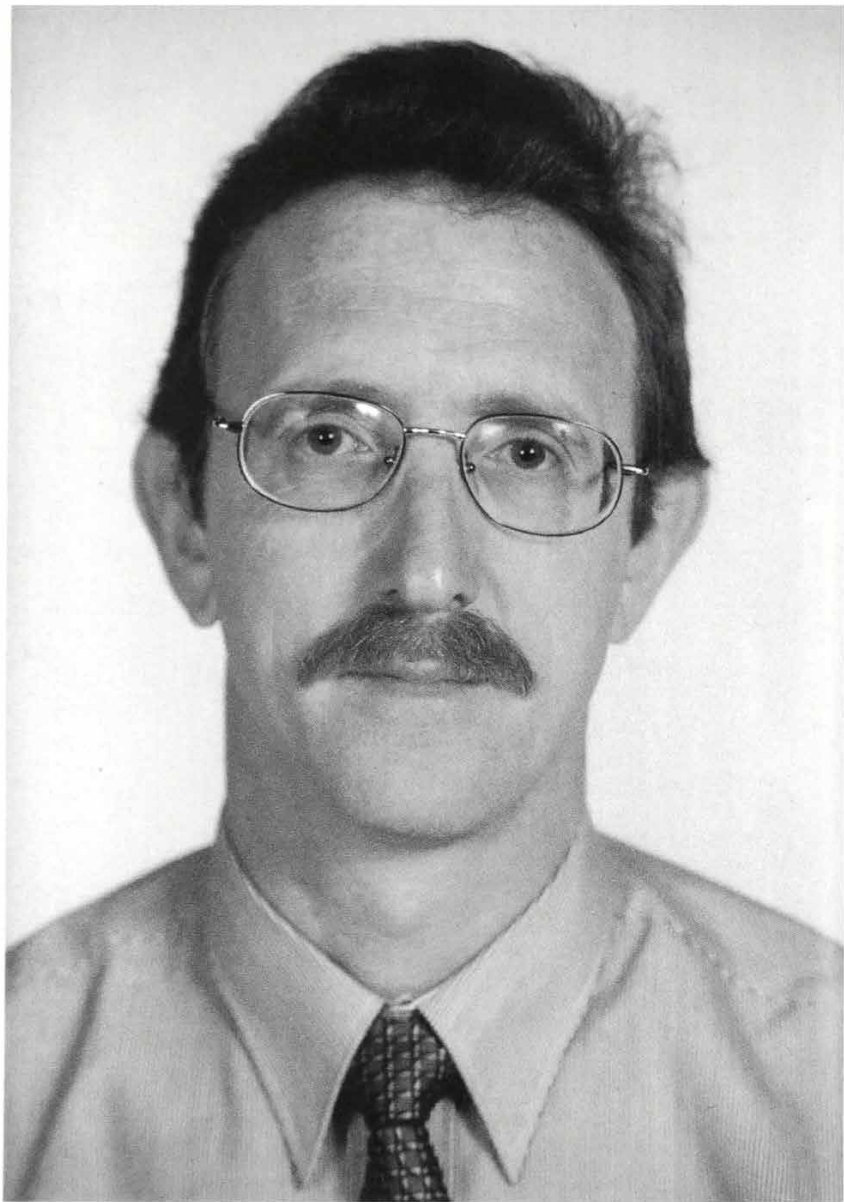
44. Засушенные цветы из венка ученого своей дочери
Цecilii (1927год).

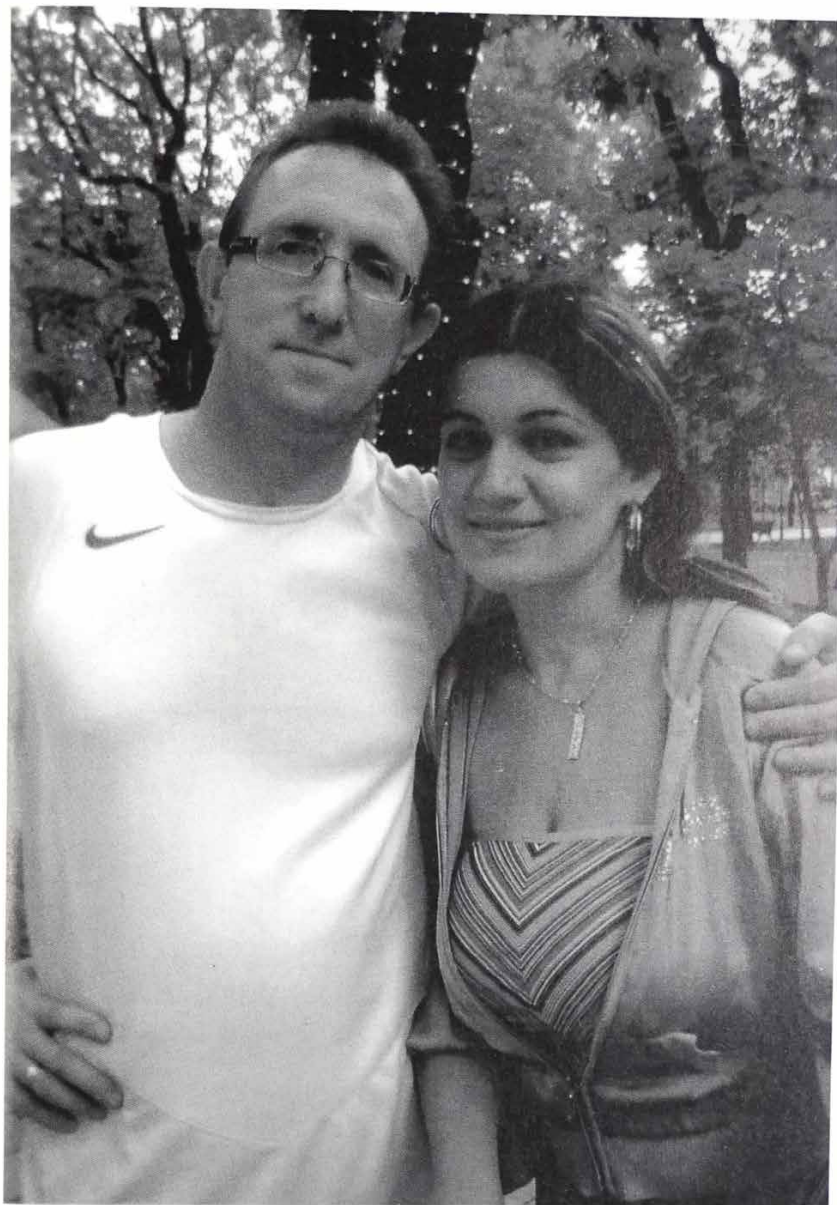
45. Правнук ученого Александр Гиреевич Анисимов.

46. Правнук ученого Леонид Михайлович Шпанин
на международной конференции в Германии.

47. Правнук ученого Владимир Михайлович Шпанин.

48. Правнук ученого Владимир Шпанин с женой Миланой.

49. Пра-правнучка ученого Мирьям Леонидовна Шпанина (3 года).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

Я поздравляю вас с началом издания «Кавказской газеты». Надеюсь стать вашим постоянным читателем. Начало хорошее. Материалы чрезвычайно интересны, охватывают жизнь общины кавказских евреев в Израиле.

Однако как вдумчивый и благосклонный читатель должен высказать одно замечание: в номере 1 (3), на стр.13, в статье «Перво-

проходец из горного края» есть неудачный, на мой взгляд, абзац о будто бы имевшей место взаимной неприязни горских и европейских евреев. Должен с полной ответственностью сообщить, что этого никогда не было. И не следует процедировать чье-то неумное высказывание на отношения двух общин одного еврейского народа. Находятся люди, которые хотели бы в собственных корыстных целях нас разобщить. Уверен, что это никому не удастся.

Редакция «Кавказской газеты» должна отнестись со всей ответственностью к публикации материалов, чтобы подобная дезинформация читателей была исключена.

С пожеланием успехов «Кавказской газете» и коллективу ее редакции

Эзраим БЕН-ЭЗРА,
Хадера

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция газеты со всем вниманием отнеслась к замечанию нашего читателя, тем более, что он не единственный человек из числа наших многочисленных читателей, кто это замечание высказал.

Редакция признает критику правильной, приносит свои извинения всем тем, чьи интересы были затронуты неудачной фразой, и обещает впредь с большим вниманием отбирать материалы для публикаций в нашей газете.

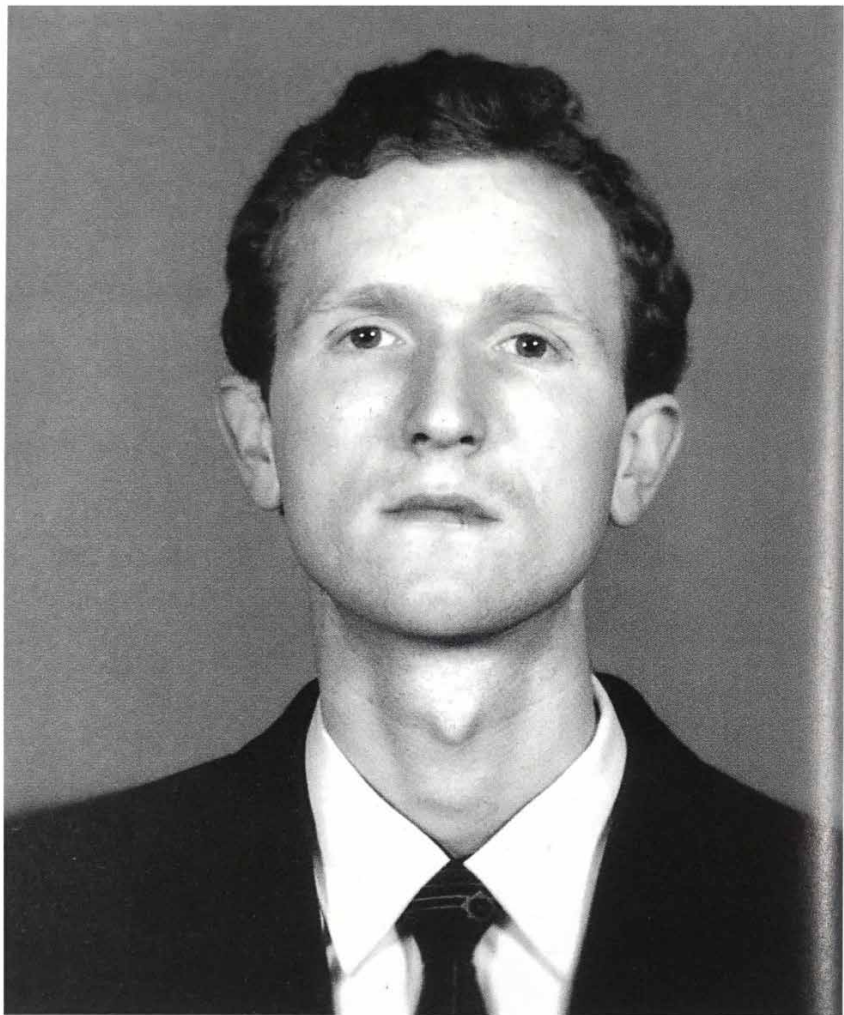
50. Отзыв на статью автора
к 140-летию со дня рождения И.Ш. Анисимова.

51. Внучка ученого Тамара Даниловна Анисимова.

52. Правнук ученого Владимир Шпанин с сыном Георгием.

53. Правнук ученого Леонид Михайлович Шпанин. Конец 20 века.

Здравствуйте Фрида!

Посылаю Вам эту ознакомительную
н'есу Н.Ш. Финсильона. Вот первый
человек в издании который знает
се

Я не специалист-драматург и не
критик. Могу лишь иногда
следующее

Литературный н'есу очевидно,
является извездной сурьей для
младших людей, обремененных в себе
и не имевших никаких чувств друг
к другу, но вынужденных
не протестовать более своим
доверием

В предисловии н'есу, автор
дает подробную характеристику
композиции этого н'есу с его
аргументами и канонами манеры
повествования. Это дает будущему
наставнику се, своего рода,
сравнительный материал.

Н'есу является совершенно
до совершенства. И автор очень
хорошо знает предмет и был
своим паром в то время
В том же большом членстве.

Фрида! Вот предмет, это
прежде всего н'есу, следует читать, и
подойти уже к нему, а не
использовать

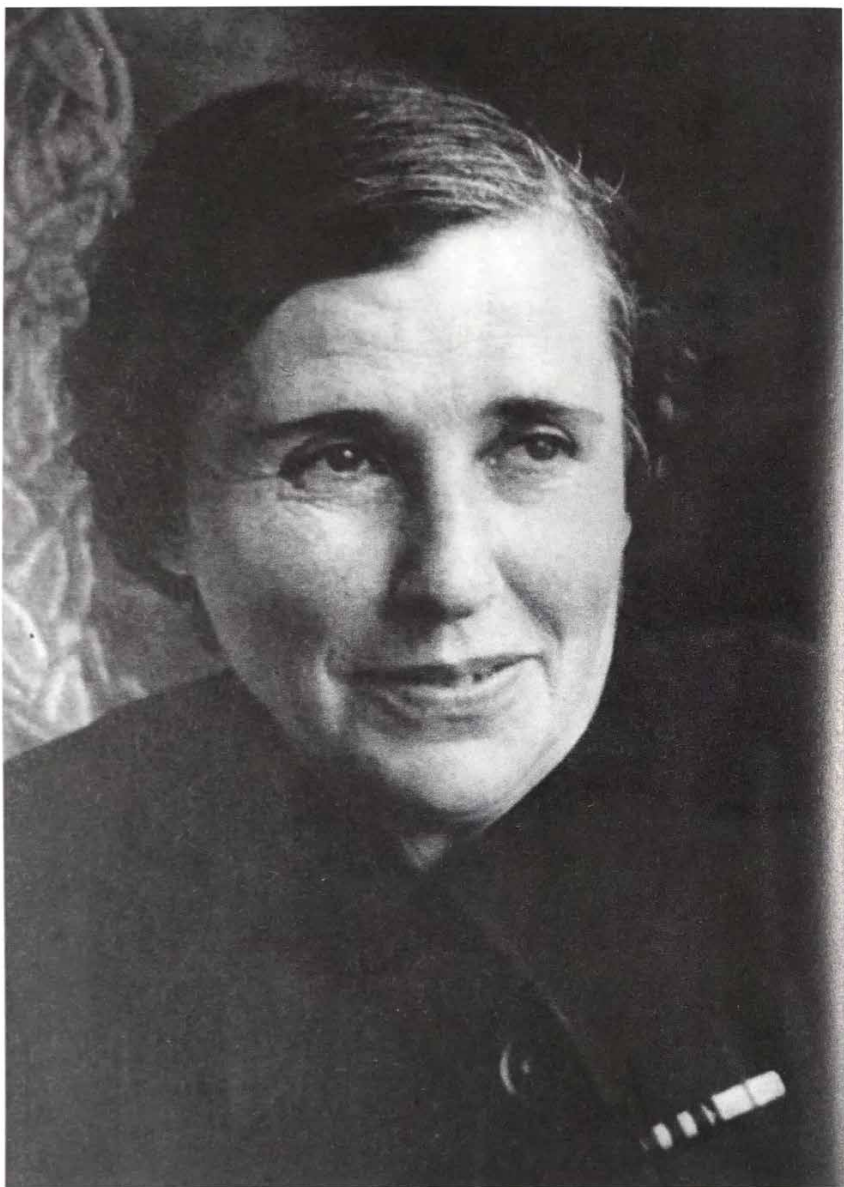
С уважением Л.Г

55. Нонна Давидовна Шпанина (Кульгавина) –
жена Михаила Шпанина. 1959 г.

56. Автор этих строк. Середина 70-х годов.

57 Шпанина-Каминская Софья Львовна.
Вторая жена моего отца.

58. Внучка ученого Маргарита Даниловна Анисимова.

59. Хана Барановская (Шпанина) – жена Леонида Шпанина.

60. Леонид Шпанин на конференции физики плазмы в Германии.

61. Праправнук ученого Станислав Владимирович Шпанин.

תערוכת ציורים של סטניסלב שפנין בן 10 מאזרבייג'אן

הנכם מוזמנים לפתיחת התערוכה
שתיפתח ביום חמישי 5.7.2001 בשעה 20:00
באכסדרה היכל התרבות העירוני נתניה
רח' רזיאל 4 נתניה

בחסות : גב' **מרים פיירברג** ראש עיריית נתניה
ברכות : מר **נחמן קידר** הגמנה על התרבות ואמנות
גב' **גילה לאור** מנכ"לית היכל התרבות
פרופ' **גריגורי אסטרובסקי** ד"ר בתחום אומנות ת"א
מר **דוד זלוונסקי** מנהל המוזיאון "הגבורה" חדרה
אוצר : מר **מוטי בן שושן** מנהל מחלקת אמנות היכל התרבות

שעות הפתיחה בימים א'-ה' לפי שעות הפעילות
נעילה - 5.8.2001

62. Объявление о персональной выставке юного художника
Станислава Шпанина в Израиле.

Уважаемый Заур Таирович!

По просьбе Михаила Агарунова и Сергея Вайнштейна, я высылаю в Ваш адрес фотографии моего дедушки Ильи Шербетовича Анисимова, его супруги Марии Вейншал, сыновей и дочерей в детстве.

На обороте фотографий я указал год и место съёмки.

С большим удовлетворением я воспринял Ваше намерение отметить юбилей моего деда. Пользуюсь случаем сказать, что с Вашим отцом мне не раз приходилось встречаться в бытность моей продолжительной общественной работы в Бакинском и Республиканском Комитетах Народного контроля.

Очень многое я узнал из книги /Горские евреи/ т.к. с работой М.Альтшулера я ознакомился по известной причине не мог. Я не журналист, но имею определённый опыт публикаций в периодической печати. Ещё в Баку я стал собирать интересующий меня материал и в Израиле в /Кавказкой газете/ я опубликовал известную Вам статью о И.Ш.Анисимове.

В настоящее время готовлю более обширный материал с использованием семейного архива.

В числе мероприятий к юбилею я предложил увековечить память о И.Ш.Анисимове в названии одной из улиц города в Израиле.

С глубоким уважением и признательностью за внимание к моему дедушке и лично ко мне.

Михаил Шпанин.

10.02.2002

63. Из письма автора этих строк к Зауру Таировичу Гилалову.

Уважаемый!

Михаил Георгиевич

*Поздравляю Вас с Великим Праздником Победы!
С пожеланиями крепкого здоровья, счастья, радости и успехов
в Вашей деятельности на благо и величие нашей Родины!*

*Президент Группы "ЗАР"
Гилалов Заур Маирович*

64. Поздравление Заура Гилалова автору этих строк.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Михаил Георгиевич Шпанин родился 8 октября 1923 г. в Баку. До войны учился в художественном училище. После войны – в университете на историческом факультете, а затем в Политехническом институте на строительном факультете. Работал преподавателем истории, а потом начальником сектора во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики. Автор книги «Техническая эстетика в Азербайджане» и публикаций в различных периодических изданиях Союза. Участник ВДНХ. Имеет ряд авторских свидетельств. Участник Великой Отечественной войны, лейтенант, командир взвода, награжден орденами и медалями СССР и Израиля. Репатриировался в Израиль в 1998 году. Автор ряда статей в местной печати. Подготовил к печати книгу «Неизвестное о известном горско-еврейском этнографе И. Ш. Анисимове», внуком которого является.